ЛУИЗА Г***

ИЛИ

ТОРЖЕСТВО НЕВИННОСТИ.

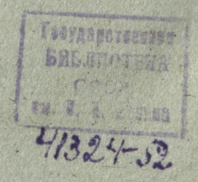
Истинная повѣсть, содержащая въ себѣ чувствительныя и рѣдкія приключенія, научающія насъ быть добродѣтельными и убѣгать пороковъ.

Часть вторая.

Переведена съ Нѣмецкаго.

Съ указнаго дозволенія.

ВЪ МОСКВѢ,
въ Типогр. при Театрѣ у Хр. Клаудія, 1788 года.



Я думаю, любезная моя пріятельница, прежде нежели начну я сію повѣсть, пожелаете вы узнать, что происходило съ П. . . съ того времени, какъ онъ сдѣлалъ дурачество удариться объ закладъ въ разсужденіи Луизы. Но я не въ состояніи расказать вамъ о семъ обстоятельно; ибо и сама Луиза о томъ не знала. Достовѣрно, что онъ при напоминаніи онаго не могъ быть равнодушенъ, я думаю, что знаніе его о слабости человѣческаго рода, а особливо женскаго сердца, причиняло ему много безпокойства. Онъ опасался, чтобъ Луиза его не огорчила; отъ чего онъ не только

спокойствїе, но и все свое именїе терялъ. Хотя онъ весьма полагался на добродетель Луизы, однакожъ сїи мысли много его безпокоили.

Утро показалось, и Госпожа П. . . встала съ ложа своего нежнаго супруга, какъ Аврора въ прекрасный весеннїй день. Она шесть недель лишена была нежнаго своего супруга, въ присудствїи котораго полагала она превеликое удовольствїе. Она опять дождалась защитника своей добродетели. „ Жена всегда безопасна при своемъ муже, которой охраняетъ, и все съ нею претерпеваетъ равнодушно„ Луиза подтверждала справедливость сихъ словъ; и не должна ли была она радоваться, видя своего защитника? Они сели завтрикать, и П. . . . расказывалъ Луизе новости, случив-

чившїяся съ нимъ на дорогѣ, какъ вдругъ вошелъ слуга, и подалъ ему письмо отъ С. . ., которой его просилъ, чтобъ онъ побывалъ къ нему для нѣкотораго важнаго дѣла. П. . . прочитавъ письмо, и свернувши оное положилъ въ карманъ. Госпожа П. . . была не изъ числа любопытныхъ женщинъ, желающихъ знать все, что мужья ихъ ни дѣлаютъ; она никогда его не спрашивала о томъ, что до дѣлъ его касалось, и когда самъ онъ ей нѣчто о томъ сказывалъ: то она болѣе надлежащаго не любопытствовала. При выходѣ или при входѣ своего мужа не спрашивала куда? или откуду? Она столько была скромна, что когда мужъ ея бывалъ въ своемъ кабинетѣ, и ей надобно было съ нимъ о чемъ нибудь говорить: то всег-

да посылала спрашивать, можно ли ей войти? П... часто посѣщали одного; однако она не спрашивала о томъ слугѣ, (которые по большой части бываютъ шпіонами у господъ, и болѣе у женщинъ надъ своими мужьями) кто такой былъ посѣщающій. Сія ея любви достойная скромность была причиною, что она не заботилась о семъ письмѣ, и не спросила отъ кого оно. Послѣ завтрика П... одѣлся, и пошелъ къ С...

Едва П... показался въ дверяхъ горницы С..., то сей вскричалъ вольнымъ и неистовымъ голосомъ, выигралъ! П... я щастливо выигралъ свой закладъ! я одержалъ надъ добродѣтелію вашей Луизы полную побѣду! — Бѣдной другъ! продолжалъ притворно жалостнымъ голо-

лосомъ, какъ мнѣ жаль, что я въ ваше утѣшенїе ничего кромѣ сожалѣнїя не могу сдѣлать. — Легко можно представить, что при сей рѣчи всѣ мысли нещастнаго пришли въ разсѣянїе. П... симъ будучи пораженъ какъ громовымъ ударомъ, схватился за стулъ, чтобъ не упасть на полъ. Лице его поблѣднѣло, и онъ не въ силахъ былъ дѣйствовать языкомъ. Между тѣмъ С... смотрѣлъ на него видомъ притворно сожалительнымъ, и показывающимъ страхъ и надежду. П... оправившись нѣсколько отъ своего смущенїя, вскочилъ со стула, и подошелъ ближе къ своему оскорбителю. С..., говорилъ онъ ему, я не знаю, правду ли я слышалъ, или уши мои меня обманули? Естьли это справедливо, что вы мнѣ сказали: то я бѣднѣйшее

 творе-

твореніе изъ всѣхъ смертныхъ. — Справедливо ли сіе? подхватилъ С. . ., я думаю вы сами знаете, что я въ семъ толь важномъ дѣлѣ шутить не стану. — И вы, сказалъ П. . ., я думаю, также увѣрены, что я въ семъ толь важномъ дѣлѣ не повѣрю безъ доказательствъ. Конечно, государь мой, я въ томъ увѣренъ, и вамъ такое ясное въ ономъ дамъ доказательство, что вы болѣе не будете сумнѣваться. При сихъ словахъ, пошелъ онъ къ дверямъ, оныя заперъ, и сѣлъ подлѣ П. . . Это нужно, продолжалъ онъ, чтобъ вы знали все, то есть, начало и конецъ сего толь весьма труднаго предпріятія, чего для и дамъ вамъ подлинное о семъ извѣстіе. — Потомъ расказывалъ онъ ему пространное и ложью наполненное повѣствованіе, которое

толь искусно выдумалъ, и умѣлъ дать такой видъ чистосердечїя, что оно казалось справедливымъ. Когда онъ кончилъ, то П. . . долго сидѣлъ въ задумчивости, и изъ лица его видна была печаль и отчаянїе. Но, государь мой, началъ онъ наконецъ, это только одни разсказы, и вы только говорите, что чѣмъ же то можете доказать? Въ самомъ дѣлѣ, Господинъ П. . ., отвѣчалъ обманщикъ, сїе предпрїятїе было мнѣ очень трудно, и я никогда не находилъ столько препятствїй. Луиза въ самомъ дѣлѣ болѣе оказала супротивленїй, нежели я ожидалъ, и я былъ почти внѣ надежды получить закладъ. Всѣ сїи затрудненїя побѣдить было бы тщетно, и всѣ мои старанїя остались бы напрасны; ибо вы мнѣ въ томъ не повѣрили бы, а

ваша жена конечно бы не призналась, естьлибъ сама природа не подала мнѣ доказательства рѣшить ваше сомнѣнiе. По семъ описалъ онъ родимое пятно невинной Луизы такъ живо, что П..., которой оное зналъ, упалъ со стула въ обморокъ. С... употреблялъ всѣ возможные средства, чтобъ привесть его въ себя. Сiе продолжалось долго, но наконецъ природа взяла верьхъ, и П.. отворивъ глаза, вскричалъ отчаяннымъ голосомъ, вы должны быть моимъ врагомъ, когда вырываете меня изъ объятiй смерти въ то время, когда жизнь стала для меня несносна. — Всѣ мои радости миновались, и удовольствiя жизни погибли. — Естьлибъ вы вмѣсто сихъ капель, дали мнѣ яду, то бы я при послѣднемъ моемъ концѣ былъ вамъ

обя-

обязанъ великою благодарностїю. Потеря моего имѣнїя дѣлаетъ меня нещастнымъ: я бы сїе съ радостїю сносилъ, я бы охотно воздыхалъ въ бѣдности и недостаткѣ, только бы не былъ огорченъ со стороны нѣжной супруги, которую я люблю болѣе себя — — Вы меня симъ пятномъ, продолжалъ онъ, весьма увѣрили; но я сколько ни злополученъ, однакожъ буду честенъ; сдержу свой закладъ, онъ исполнится — С... старался какъ возможно успокоить П..., онъ обѣщался все употреблять, дабы облегчить его судьбу. Легковѣрный П... сѣлъ съ нимъ за столъ, и согласились, чтобы все, что между ими не будетъ происходить, было въ великой молчаливости. П... оставилъ себѣ только 1200 талеровъ, вмѣстѣ съ драгоцѣнными вещами

своей жены, а прочее все отдалъ С. . . въ полное владѣнїе. Оное подписалъ и запечатавъ, обѣщалъ исполнить чрезъ три дни. С. . . также клятвенно обѣщался по прошествїи сего времени ничего и никому о семъ не говорить; П. . . вознамѣрился въ четвертой денъ оставить А. . . Потомъ они разстались, изъ коихъ одинъ торжествовалъ, а другой низверженъ въ нещастїе.

П. . . пришелъ домой уже во второмъ часу по полудни, онъ еще не обѣдалъ, но о томъ совсѣмъ и не думалъ. О естьлибъ онъ въ сїе время послѣдовалъ своимъ побужденїямъ и вошелъ бы въ горницу своей супруги! естьли бы онъ въ великихъ упрекахъ открылъ ей свое сердце! то подлинно бы открылось преступленїе проклятаго ихъ врага, и самъ

бы

бы избѣжалъ долго продолжающагося своего нещастія. Но онъ сего не сдѣлалъ. Онъ прошелъ прямо въ свою горницу, и приказалъ своему служителю грознымъ голосомъ, чтобъ онъ никого, кто бы таковъ ни былъ, безъ исключенія, къ нему не допускалъ. По сихъ словахъ вошелъ онъ въ горницу и заперъ за собою дверь. Луиза о томъ ничего не зная, какъ скоро услышала, что ея мужъ пришелъ домой, дожидалась еще съ часъ, и видя, что онъ къ ней нейдетъ, кликнула слугу, и велѣла доложить своему мужу, что она желаетъ съ нимъ поговорить. Слуга состарѣвшійся уже въ услугахъ П. . . . отца, весьма любилъ свою госпожу. Онъ ей объявилъ, что господинъ его пришелъ домой весьма гнѣвенъ, и приказалъ никого, кто бы ни

былъ, къ нему не пускать. Она отпустила слугу, и хотя ея невинность не позволяла ей думать, что бы причиною гнѣва ея мужа была она, однако сей поступокъ для нее былъ очень чуденъ. Она подождавъ еще нѣсколько времени, пошла въ свою спальню, чтобъ чрезъ нещастные обойные двери притти въ его горницу. Она слышала, что онъ скоро ходилъ по горницѣ взадъ и впередъ. Она тихонько постучала въ дверь, и какъ ей не отвѣчали, то начала стучаться крѣпче. Но сколь должна она была ужаснуться, когда ей грому подобнымъ голосомъ отозвался П. . ., чтобъ она удалилась и ему не мѣшала. Она съ ужасомъ отошла отъ дверей, и нѣсколько ободрившись вышла въ свою горницу. Тутъ отдалась она размышленiю, и ручей слезъ былъ пер-

первымъ дѣйствіемъ онаго. Она ничего не могла придумать, чтобъ было причиною негодованія ея мужа. Она разсуждала о всѣхъ своихъ шуткахъ, что не сдѣлали чего въ оныхъ противъ благопристойности.

Между тѣмъ какъ она находила облегченіе въ слезахъ, П. . . былъ въ великомъ отчаяніи. Онъ разсуждалъ снова о всемъ, что ему С. . . ни говорилъ, и его замѣшательство приписывало оному справедливость. Онъ думалъ только о родимомъ пятнѣ, и болѣе никакихъ не дѣлалъ заключеній. Онъ его видѣлъ, говорилъ онъ самъ себѣ, конечно видѣлъ, а то бы не могъ такъ точно оное описать; да и подлая такая довѣренность имѣла — также проклятые слѣдствія, которыя С. . . щастливымъ, а меня нещаст-

щастнѣйшимъ сдѣлали человѣкомъ. По семъ заключенiи отдался онъ бѣшенству. Онъ ни одинъ разъ былъ въ намѣренiи взять пистолетъ, и онымъ сдѣлать конецъ своей жизни. Но измѣнница, говорилъ онъ, должна ли она жить! Нѣтъ она должна также умереть! тѣмъ же самымъ оружiемъ должна она быть жертвою смерти, которымъ и я — но сiи печальные намѣренiя были опровергаемы другими: онъ колебался непостоянными мыслями, иногда впадалъ въ великой гнѣвъ, такъ какъ послѣ сильной бури издали слышны громовые удары. По семъ глубокая задумчивость имъ овладѣла. О! я нещастной! вскричалъ онъ, найдется ли примѣръ подобной моему? Сiю змiю я самъ, къ разрушенiю всего моего спокойствiя и къ уничтоженiю моего щастiя,

въ

въ своей пазухѣ питалъ, на собственныхъ грудяхъ отогрѣлъ! — — Что я долженъ дѣлать? Есть ли останусь живъ: то жизнь моя будетъ безпрестаннымъ мученїемъ, дни мои будутъ непрерывною цѣпью бѣдности — могу ли я сдѣлать лучшее — — я — умру — потушу въ глазахъ моихъ свѣтъ солнечный? — Но — тогда я умру — о проклятые мысли — какъ — самоубїйца, а послѣ? Послѣ погружусь, чтобъ избѣжать малаго мученїя въ бездну нещастїй — Нѣтъ, продолжалъ онъ, по долгомъ молчанїи, я долженъ жить — и невѣрная Луиза также останется жива — Но она свои злодѣянїя распространитъ далѣе, она съ своимъ преступникомъ будетъ наслаждаться плодами своего порока! но небо справедливо, пусть оно поступаетъ

етъ, какъ хочетъ! я бы глупъ былъ, когда бы сіи слабые свои руки захотѣлъ вооружить противъ его всемогущества, и будучи прахъ, противъ его востать. — — По сихъ разсужденіяхъ, и отъ того произшедшихъ заключеніяхъ, нѣсколько успокоился, то есть, сколько могъ человѣкъ въ его обстоятельствахъ; какъ скоро начало смеркаться, потребовалъ онъ свѣчку, не много холоднаго и стаканъ вина. Онъ увѣдомилъ свою жену на малинькомъ лоскуткѣ бумаги, чтобъ она ему въ сію ночь не мѣшала въ его уединеніи. Причины, для чего онъ съ ней не хочетъ говорить, ей самой извѣстны. Луиза прочтя оной билетъ, многократно его повторяла, однако не могла понять силы онаго. Небо, говорила она по долгомъ размышленіи,

нїи, не сошелъ ли мой мужъ съ ума — Но сохрани его и меня отъ того Боже! но когда какъ я вижу сїе не справедливо: то какъ я могу отгадать эту загадку, что значитъ его поступокъ, и сїи строчки! не непрїятель ли какой ему меня оболгалъ. С . . . , конечно это онъ? Но онъ узнаетъ, что въ моей состоитъ волѣ совсѣмъ его погубить, когда открою своему мужу его дерзость. — Потомъ она опять впала въ глубокое размышленїе, однакожъ не могла никакъ онаго отгадать. Наконецъ вознамѣрилась къ нему отписать. Она просила его весьма убѣдительно, чтобъ онъ ей дозволилъ къ себѣ притти, или естьли не сдѣлаетъ сей для нее милости, то по крайней мѣрѣ, хотябы удостоилъ тѣмъ, чтобъ въ двухъ строчкахъ объявилъ ей

загадку, содержащуюся въ его билетѣ; въ противномъ случаѣ, оное будетъ ее цѣлую ночь мучить. Она сложивъ письмецо послала оное съ слугою. Какъ скоро сей пришелъ къ своему господину: то спросилъ онъ его взявъ письмецо, отъ кого оно? Отъ Госпожи П. . . ., сказалъ слуга. Такъ возмижъ его, говорилъ П. . . свирѣпо, отнеси назадъ, и скажи Луизѣ Г. . ., что я завтре буду съ нею говорить. Слуга пошелъ назадъ, и увѣдомилъ о семъ Луизу. Она отдалась совсѣмъ печали, и произнесши многїе жалобы, легла на постель. Никогда ей ночь ни казалась такъ долгою, какъ тогда, и никогда она не была любопытнѣе, что нибудь узнать, какъ въ то время. П. . . также легъ въ постелю, не для спокойствїя, а для мученїя.

Какъ скоро П. . . . оставилъ С. . ., то сей предался великой радости! онъ зналъ свойство сего человѣка, и представлялъ увѣренїе въ семъ толь важномъ дѣлѣ весьма труднымъ, и конечно бы въ ономъ не обманулся, естьли бы не употребилъ осторожности, представить ему хитросплетенное повѣствованїе. Я уже выше упомянулъ, что С. . . . имѣлъ краснорѣчивый языкъ, онымъ умѣлъ онъ придать своей выдумкѣ видъ чистосердечїя и искренности. Онъ сперва принялъ намѣренїе возбудить его страсти, и потомъ обворожив его, описалъ нещастное родимое пятно, чѣмъ столь сильно поразилъ сердце П. . . ., что отнялъ тѣмъ всѣ его силы разсужденїя. И такъ онъ довольно находилъ причинъ радоваться въ щастливыхъ дѣйствїяхъ своего

обмана, и происходящій отъ того великой выигрышъ сердце его приводилъ въ восхищеніе. Онъ представлялъ въ мысляхъ своихъ великое богатство, котораго онъ сдѣлается владѣтелемъ, и на оные еще большіе пріобрѣтетъ сокровища. Но вдругъ разрушались умственные его сіи представленія. Но, говорилъ онъ самъ себѣ, П. . . . теперь дома, что когда онъ пойдетъ къ своей женѣ, и ей въ тысячныхъ укоризнахъ откроетъ ей ея преступленія, и она найдетъ средства его увѣрить, что онъ обманывается — Сей случай долго ужасалъ его сердце великимъ страхомъ, потомъ онъ нѣсколько успокоился. Хотя сіе и случится, разсуждалъ онъ, то буду ли я, сдѣлавъ сей обманъ нещастнѣе, нежели какъ бы я оной и не выдумалъ? Естьли

ли бы я сего не сдѣлалъ: то лишился бы закладу; и когда обманъ откроется: то изъ того не будетъ большихъ слѣдствій, какъ лишеніемъ онаго — ободрись мое сердце! — мнѣ кажется П. . . . весьма увѣренъ о своемъ нещастіи, и не повѣритъ женщинѣ, которую теперь почитаетъ онъ порочною, онъ ея оправданія почтетъ за ложъ, и такъ при семъ я болѣе выигрываю, нежели теряю. Но положимъ, что я въ этомъ заблуждаюсь, однакожъ по крайней мѣрѣ я могу утверждать, что я говорилъ правду, изъ сего выдетъ такое дѣло, котораго окончаніе не извѣстно; а хотя я и останусь виноватымъ, то по крайней мѣрѣ выиграю время, а время можетъ все перемѣнить.

Луиза наконецъ проводила сію печальную для нее ночь въ сле-

захЪ. Утро застало ее сЪ заплаканными глазами, и дневной свѣтЪ ни мало не уменшалЪ ея мученія. Она оставила свою постель сЪ великимЪ сожалѣніемЪ. — Она одѣлась и вошла вЪ свою горницу. ТутЪ дожидалась она долго сЪ нетерпѣливостію своего мужа. ОнЪ всталЪ сЪ постели и велѣлЪ подать себѣ завтракЪ. Когда ему оной его служитель принесЪ: то спросилЪ его, встала ли Луиза Г..? И когда сей ему сказалЪ, что встала: то велѣлЪ ей отдать писмецо. Слуга ей оное отдалЪ, и она вЪ ономЪ прочла слѣдующее на ФранцузскомЪ языкѣ: когда вы, сударыня, не желаете все дѣло испортить, то не мѣшайте мнѣ весь нынѣшней день, вы узнаете мое намѣреніе послѣ. „Бѣдная Луиза потеряла „надежду, и вЪ сей день видѣть

„конецЪ

„ конецъ своей скорьби, и снова „ предалась печали и слезамъ. „ Она уже долгое время наслаждалась спокойными и пріятными днями, изключая съ С. . ., и смерти Госпожи Гернъ, и ничто не мѣшало ея спокойствію. При семъ случаѣ устремилась на нее великая буря, и она къ оной должна была приготовиться; ей долженствовало теперь найти облегченіе своего сердца въ слезахъ, дабы впредь принять нужныя средства, чтобы совсѣмъ не пропасть.

Какъ скоро П. . . позавтракалъ: то началъ исправлять то, что предпринялъ въ безсонную сію ночь. Онъ собравъ всѣ свои деньги, положилъ оныя въ свой погребецъ. Онъ велѣлъ своему слугѣ Морицу, на котораго вѣрно надѣялся, принести сундучекъ, и велѣлъ въ оной положить нѣ-

сколько хорошаго своего платья и бѣлья; а потомъ велѣлъ сказать своему кучеру, чтобы поутру въ десятомъ часу была готова въ четыре лошади дорожная его коляска; ты Морицъ, сказалъ П. . . долженъ меня проводить, а прочїя служители пусть всѣ дома останутся. Какъ скоро Морицъ вышелъ: то П. . . заперши дверь, пошелъ въ кабинетъ Луизы, которой былъ подлѣ его спальни. Онъ отперъ шкапъ, гдѣ лежали дорогїя ея уборы, и взялъ ихъ. Какъ скоро пришелъ опять въ свою горницу: то завернувъ оныя вмѣстѣ въ пакетъ съ кошелькомъ наполненнымъ золотомъ, положилъ оной въ карманъ дорожнаго своего платья, и заперъ свой сундукъ. Между сими и другими заботами прошло утро. Послѣ обѣда пошелъ онъ къ С. . ., чтобы

съ

съ нимъ переговорить о нужномъ. Онъ просилъ его, чтобы не оставилъ его служителей, за которыхъ вѣрность ему ручался, и естьли онъ не захочетъ ихъ держать у себя: то чтобы отпустилъ ихъ на волю съ хорошимъ награжденїемъ. И сказавъ ему, что онъ завтре отъѣзжаетъ, отдаваясь на произволъ судьбѣ, съ нимъ простился и пошелъ домой. Ему надобно было итти мимо горницы своей жены. Онъ подошелъ къ дверямъ и оныя отворилъ. Бѣдная, невинная Луиза! въ какомъ онъ тебя засталъ положенїи! Она сидѣла подлѣ столика и одною рукою, такъ, какъ обыкновенно изображаются обремененныя нещастїемъ, поддерживала голову, а въ другой держала малинькой портретъ, представляющїй ея мужа. Лице ея

было блѣдно и глаза опухли отъ слезъ. Она подняла нѣсколько свою голову въ верьхъ, когда дверь отворилась, и вдругъ вскочила увидя своего мужа. Мадамъ! сказалъ онъ ей стоя въ дверяхъ, я завтре поутру намѣренъ ѣхать, я желаю также, чтобы и вы меня проводили. Завтре поутру въ девятомъ часу будьте въ готовности, а прочее узнаете въ опредѣленномъ мѣстѣ. По сихъ словахъ затворилъ дверь и пошелъ въ свою горницу. Еще новая загадка для сей нещастной. Она должна была ѣхать, сама незная куда. Она еще ласкала себя надеждою, что на дорогѣ мужъ ея откроетъ оную тайну; и лучь надежды подкрѣпилъ нѣсколько ея силы, и чрезъ то сокрушающееся ея сердце нѣсколько успокоилось.

По-

Потомъ она выпила не много чаю и нѣсколько поѣла.

Какъ до ихъ отъѣзда ничего важнаго не случилось: то я болѣе ничего не могу сказать, какъ только, что П. . . и Луиза препроводили ночь въ великомъ безпокойствѣ. Утро показалось, П. . . всталъ и одѣлся. Никто въ домѣ не зналъ куда онъ ѣдетъ, и на долго ли. Онъ зарядивъ два пистолета, заткнулъ оныя за портупею, и уложивъ все въ коляскѣ, велѣлъ готовится къ отъѣзду. Луиза была также въ готовности. Она думала, что ея платье и бѣлье будутъ укладывать, но какъ сего ничего не видала, и ей о томъ ничего не говорили, то она и не заботилась. П. . . пошелъ въ свой кабинетъ, и отдалъ первому своему Бухгальтеру пакетъ, съ приказанїемъ

не

не прежде его разпечатать, пока не пройдутъ четыре часа послѣ его отъѣзда. Въ немъ было предписано, что бы онъ во всемъ, что отъ него С... не потребуетъ, отдалъ отчетъ. Послѣ сихъ учрежденїй, зашелъ онъ къ Луизѣ и велѣлъ ей ѣхать съ собою; она сїе исполнила. Коляска въ скорое время случилась въ полѣ. Луиза только глядѣла на своего мужа, а не имѣла смѣлости съ нимъ говорить. Блѣдное его лице, нахмуренное чело, и сверкающїя глаза приводили ее въ страхъ, онъ самъ ничего не говорилъ, а между тѣмъ коляска ѣхала скоро. Они проѣхавъ съ часъ, въѣхали въ рощу, и заѣхавъ въ нее довольно, П.... велѣлъ кучеру остановиться. Естьли вамъ угодно, сударыня, то мы можемъ нѣсколько сей рощицей пройтися,

лѣсокъ очень пріятенъ и не великъ, а коляска можетъ ѣхать далѣе, и насъ на концѣ онаго дождаться. Луиза и онъ вышли, а коляска потихоньку поѣхала далѣе. Луиза шла за своимъ мужемъ дрожащими ногами и съ трепещущимъ сердцемъ. Прошедъ довольно въ лѣсъ, онъ къ ней оборотился, и говорилъ слѣдующее. „Я требую „отъ васъ сударыня, чтобъ вы „не потребовали того, что я „вамъ хочу сказать. Два сіи „пистолета, которыя вы здѣсь „видите, были опредѣлены одинъ „для меня, а другой для васъ; „но благодарю небо! оно перемѣ„нило мое намѣреніе. Я не хочу „рукъ моихъ омочить въ крови „невѣрной. Вы сдѣлались негод„ною преступницею, и меня „чувствительнѣйшимъ образомъ „обидѣли. Я бы васъ могъ за

„оное

„ оное весьма строго наказать,
„ но я не хотѣлъ чрезъ то по-
„ срамить себя. Я бы отъ васъ
„ и потребовалъ въ томъ оправ-
„ данїя; но вы бы только меня
„ чрезъ то обманывали, и для
„ чего я онаго не сдѣлалъ, ибо я
„ весьма увѣренъ о вашей невѣр-
„ ности. Преступленїе ваше стои-
„ ло мнѣ всего моего имѣнїя, и
„ я онымъ наказанъ за слѣпую
„ мою довѣренность. Вы ко мнѣ
„ ничего не принесли, и такъ
„ ничего не можете требовать;
„ но я хочу быть великодушенъ.
„ Возмите сей пакетъ, въ немъ
„ нѣсколько вашихъ уборовъ и
„ денегъ. Теперь вы вольны, сту-
„ пайте куда хотите, только въ
„ А. . . въ моемъ домѣ вы ничего
„ не найдете, я онаго лишился
„ вашимъ вѣроломствомъ. Не по-
„ срамляйте болѣе моего имени;

„ не

,, не сказывайтесь, что вы были
,, нѣкогда женою нещастнаго чело-
,, вѣка, которой назывался Виль-
,, гельмъ П. . ., я и самъ съ сего
,, времени не буду болѣе называть-
,, ся симъ именемъ. ,, При сихъ
послѣднихъ словахъ, бросилъ онъ
пакетъ къ ея ногамъ, и весьма
поспѣшно удалился. Какъ скоро
пришелъ онъ къ своей коляскѣ, и
сѣлъ въ оную: то велѣлъ кучеру
прямо по лежащей предъ нимъ
дорогѣ гнать лошадей во всю прыть.
Кучеръ и старой Морицъ, видя
своего господина одного безъ Луи-
зы садящагося въ коляску удиви-
лись; кучеръ мѣшкалъ и ѣхалъ
потихоньку. П. . . примѣтя сїе,
его бранилъ и велѣлъ исполнять
свой приказъ. Кучеръ отъ сего
испугался и погналъ лошадей. Мы
оставимъ его ѣдущаго, а обратим-
ся къ Луизѣ никакой помощи не-
имѣющей.

Сїя

Сїя нещастная, ужасную П. . . рѣчь, исполненную гнусными обвиненїями, слушала съ удивительнымъ терпѣнїемъ и постоянностїю. Ей было весьма легко уничтожить всѣ сїи объявляемыя преступленїя, и сїе-то болѣе подкрѣпляло ея бодрость; но увидя она, что онъ ее поспѣшно оставилъ, не выслушавъ ея оправданїя, упала подлѣ одного дерева въ обморокъ, котораго продолженїе не могла она знать; оной ее обезсилилъ, и привелъ на нѣкоторое время въ нечувствительность. Наконецъ она опамятовалась. Она оглядывалась кругомъ, и видѣла, что П. . . очень далеко завелъ ее въ рощу, гдѣ никого невидно и неслышно. Сїя перемѣна была ей весьма удивителна. Она разсуждала о всѣхъ рѣчахъ П. . ., о всѣхъ его ругательствахъ, и утѣша-

шалась тѣмъ только, что была совершенно невинна и чистую имѣла совѣсть. Бѣдной, нещастной мужъ! говорила она въ слезахъ, ты болѣе меня сожалѣнія достоинъ, ты самъ себѣ причинилъ нещастіе, ты обвинялъ невинную, и отнялъ у ней средства оправдать себя, и снять съ глазъ твоихъ завесу, коею обманутые твои глаза были помрачены. Однакожъ начала она по долгомъ размышленіи, что я теперь начну? Здѣсь мнѣ остаться не можно, — естьлибы жива была Госпожа Гернъ, то бы я пошла къ сей любезной матери, я бы оплакивала въ ея объятіяхъ печальную свою участь и находила бы въ оныхъ свое утѣшеніе; она теперь наслаждается вѣчнымъ спокойствіемъ; а я между тѣмъ буду воздыхать въ величайшихъ

горестяхъ. Но могу ли я роптать противъ изволенiя неба, оно часто было моимъ защитникомъ, также и въ семъ случаѣ оно конечно меня не оставитъ. — По сихъ словахъ взявъ она пакетъ пошла въ путь. Она вознамѣрилась не возвращаться въ А. . . но положила, какъ скоро выдетъ на дорогу, отдаться на произволъ судьбѣ. Она не привыкла къ такому путешествiю, и естьлибъ ея голова не была занята тѣмъ, что ей говорилъ П. . ., отъ чего она сама себя забывала: то бы конечно ей оное показалось весьма труднымъ. По двучасномъ своемъ походѣ, пришла она въ нѣкоторую деревню. Передъ первымъ домомъ на улицѣ былъ колодезь, и она не обманулась, что то былъ постоялой дворъ. И какъ она весьма устала: то вознамѣрилась въ него

него войти. Она подошедъ къ дверямъ, съ примѣтною трусостїю вошла въ избу. Это было не обыкновенно, что бы такая прекрасная женщина, въ такомъ хорошемъ платьѣ, съ золотыми и брилїантами осыпанными часами, вошла тихо въ деревенской постоялой домъ. Не видно было ни коляски, ни провожатаго за такою дамою, которая казалась знатною. Въ той избѣ было не мало народу, которой съ любопытствомъ на нее смотрѣлъ. Луиза примѣтя сїе, спрашивала, что не можно ли ей за хорошїя деньги найти себѣ особливой горницы? Слово, хорошїе деньги, и знатной Луизинъ видъ имѣли въ ушахъ корыстолюбивой хозяйки великое дѣйствїе. Не угодно ли, сударыня, занять лучшую мою горницу, говорила она, подите за мною, я

знаю какъ обходиться съ такими хорошими людьми, какъ вы кажетесь; я вамъ буду служить съ возможною ревностїю. Она вывела ее изъ постоялаго покоя въ чуланъ, которой назвали горницею. Луиза примѣтя, что сїя женщина великая охотница шутить, а она къ тому не была расположена, попросила у ней чаю, или не много грѣтаго вина, для того, чтобы отъ нее отдѣлаться. Хозяйка ушла, а Луиза сѣла отдохнуть на старой стулъ. Попавшееся ей въ глаза висящее на гвоздѣ мужское платье, подало случай къ принятїю нѣкоторой выдумки. Въ семъ мѣстѣ, говорила она сама себѣ, не можно мнѣ долго пробыть; въ своемъ же платье не возможно въ безопасности продолжать путешествїе; малыя мои прелести, которыя какъ говорятъ

я имѣю, причинятъ мнѣ новыя нещастїя, а когда я муское платье — — тутъ вошла хозяйка и принесла чай. Луиза, принявъ неотмѣнно сїе намѣренїе, и желая чтобы хозяйка ей въ томъ помогла, просила ее, чтобы и она съ нею пила. Она сїе исполняя употребляла весьма веселыя шутки, удивляясь хорошему ея платью, блестящимъ часамъ и красотѣ ея лица. Она очень желала узнать, кто она такова, Луиза замѣтила оное изъ всѣхъ ея взглядовъ и вопросовъ. Я думаю, начала наконецъ Луиза, добрая хозяюшка, что я тебѣ кажусь чудною; одежда моя и странной случай сюда меня приведшїй оное подтверждаютъ: но ты не будешь удивляться, когда я тебѣ раскажу по какому чудному случаю должна я была при-

нять сїе путешествїе. Однакожъ теперь я весьма устала, и хочу, чтобъ ты чего нибудь изготовила для меня поѣсть; а я между тѣмъ временемъ на этой постелѣ не много отдохну, только пожалуй постарайся, чтобы никто мнѣ въ дому не помѣшалъ. Хозяйка стараясь весьма учтивою быть такъ поступала, что въ другое время своими кривлянїями весьма бы увеселила Луизу, которая тогда ни въ чемъ не находила удовольствїя, и ушла, дѣлая ей множество чудныхъ поклоновъ, и обѣщаясь ей во всѣмъ угождать.

Какъ скоро Луиза осталась одна: то отдалась своимъ мыслямъ. Я должна, говорила она, сїю женщину склонить на свою сторону, она мнѣ можетъ быть полезна, и когда можно: то должна найти мнѣ муское платье, къ этому я

могу ее склонить деньгами и довѣренностїю, что объявлю ей свою исторїю. Въ семъ случаѣ должна я прибѣгнуть къ выдумкѣ — Я бы сего никогда не сдѣлала, естьлибы нужда того не требовала, я же симъ никому не дѣлаю обиды, кромѣ своей пользы. По семъ она вынула изъ кармана пакетъ П. . .; она его развернула, и нашла въ немъ множество своихъ дорогихъ уборовъ, которыя стоили великой суммы. Она со слезами оныя разсматривала, вспомня прежнее свое щастїе и того, отъ кого ихъ получила. Она вознамѣрилась все сїе употребить въ свою пользу. Она взяла свои часы, и съ прочими вещьми, завернувъ въ пакетъ, спрятала. Чрезъ часъ послѣ того показалась хозяйка съ кушаньемъ и спрашивала не угодно ли ей по-

кушать? Луиза, сказавъ хорошо, просила также ее, чтобы и она сдѣлала ей компанїю. Любопытство сей женщины скоро нашло случай напомнить Луизѣ о ея обѣщанїи; Луиза охотно на сїе согласилась, и расказывала ей слѣдующее: Я имѣю богатыхъ и знатныхъ родителей, у которыхъ я одна только дочь. Одинъ молодой человѣкъ, хорошей фамилїи но не очень богатъ, влюбился въ меня; онъ мнѣ не нравился, и мое къ нему отвращенїе было столь велико, сколько сильна была его ко мнѣ любовь. Онъ не имѣя никакой надежды меня получить отъ моихъ родителей, вразсужденїи малаго своего богатства, и примѣтя, что я и сама не отвѣтствовала его любви, то онъ слѣдуя внушенїямъ своей страсти, принялъ намѣренїе увести;

сти ; онъ такъ хитро умѣлъ распорядить свои предпрїятїя, что дѣйствително получилъ меня въ свою власть. Онъ привезъ меня въ А. . . . гдѣ продержалъ меня четыре дни. Въ сїе утро я щастливо отъ него ушла. И не зная дороги откуда онъ меня увезъ, зашла къ вамъ. Вотъ все тутъ, что я не имѣла тебѣ рассказать, теперь, естьли только ты мнѣ поможешь, чтобы могла я безопасно ѣхать далѣе, то я за твою услугу награжу тебя щедро. Хозяйка будучи тронута Луизинымъ повѣствованїемъ, обѣщалась ей во всемъ помогать, только бы она ей изволила объявить, въ чемъ можетъ быть ей полезною: я отъ тебя, отвѣчала Луиза, ничего больше не требую, только чтобы ты къ завтрешнему утру достала по мнѣ пару

мускова платья и постаралась бы о коляскѣ, чтобы доѣхать до ближайшаго города, я за все оное щедро заплачу: я, сударыня, это очень легко могу исполнить. У меня есть сынъ пятнатцати лѣтъ, такого же росту какъ вы, не побрезгуйте, сударыня, взять праздничной его кавтанъ, а ему естьли вы хорошо заплатите, куплю новой. Мужъ мой самъ извозничаетъ, и куда вамъ угодно можетъ васъ отвѣсти. По сихъ словахъ побѣжала она изъ горницы, и черезъ двѣ минуты появилась съ праздничнымъ кафтаномъ своего сына. Сїе платье само по себѣ хотя и не было худо, но сшито по деревенски. И какъ лучшаго тамъ найти было не можно; то Луиза принуждена была одѣваться въ оное. Она желая его примѣрять, тотчасъ съ по-

мощїю

мощію хозяйки надѣла. Головной свой уборъ сняла, и волосы какъ надобно пригладила; такимъ образомъ преобразилась она въ прекраснаго деревенскаго юношу, котораго лучше природа еще не производила. Луиза за платье больше заплатила, нежели хозяйка требовала. Какъ скоро смерклось, Луиза заперши дверь, легла на весьма убогую кровать. Проводивъ очень спокойно ночь, кликнула хозяйку и отдала ей женское свое платье съ тѣмъ, чтобы она его у себя спрятала, и ни кому бы кромѣ ея самой не отдавала. Потомъ она позавтракала и простясь съ своею хозяйкою, сѣла въ дожидающуюся ея кибитку; и самъ хозяинъ повезъ ее въ ближайшій городъ.

П. . . какъ скоро сѣлъ въ коляску, то поѣхалъ въ В. . .

а оттуда въ слѣдующїй день отправился въ Б. . . , гдѣ онъ и вознамѣрился простоять нѣсколько дней. На другой день своего туда прїѣзду, кликнулъ къ себѣ Морица, на котораго вѣрность и преданность весьма полагался. Онъ раскazалъ ему съ великимъ прискорбїемъ все приключенїе, и что его принудило оставить А. . . . Я въ него никогда опять не возвращусь, говорилъ онъ. Ты состарѣлся въ службѣ моего отца, и я хотѣлъ тебѣ за то дать достойное награжденїе, но нещастная моя судьба въ томъ мнѣ воспрепятствовала. Когда ты хочешь при мнѣ остаться; то я тебя впередъ, не такъ какъ слугу, но какъ прїятеля почитать буду, и ты ни въ чемъ не будешь терпѣть нужды, естьли только я буду что нибудь

имѣть.

имѣть. А ежели желаешь лучше воротиться въ А. . . . то дамъ тебѣ 100 талеровъ и еще нѣсколько на дорогу. Старой и честной Морицъ не отнималъ платка отъ своихъ глазъ, когда господинъ его сїе говорилъ. Онъ едва отъ великаго рыданїя могъ на оное отвѣчать. Я васъ оставлю? началъ онъ наконецъ. На сихъ престарѣлыхъ рукахъ я васъ нянчилъ, я видѣлъ васъ вырастающимъ и наконецъ въ совершенныхъ лѣтахъ, вы всегда были до меня милостивы, батюшка вашъ меня вскормилъ; чрезъ него и чрезъ васъ Богъ меня привелъ въ сїе благополучное состоянїе, помощїю и обоихъ васъ ношу я съ честїю сїи сѣдые волосы, и я долженъ васъ оставить? Нѣтъ, баринъ мой! Морицъ такъ не думаетъ! Боже! я могу нѣсколько умень-

шить ваше нещастїе, съ какою радостїю я сїе исполню! — у меня есть 1000 талеровъ, я осмѣливаюсь вамъ оныя предложить, и когда вы оныя примите, то какое будетъ удовольствїе для сего престарѣлаго сердца. — Но бѣдная Госпожа П. . ., я не могу представить, чтобы она была виновна. Она была такъ добродѣтельна — — Тутъ онъ отъ слезъ не могъ болѣе говорить, и П. . . . самъ столько былъ тронутъ сими нелицемѣрными знаками благороднѣйшаго чистосердечїя стараго своего слуги, что не могъ удержаться отъ слезъ. И такъ ты при мнѣ остаешся, говорилъ П. . ., добросердечной мой Морицъ! сколь добро должно быть твое сердце, что и самое мое нещастїе не можетъ тебя со мною разлучить. Съ сего времени не

будь

будь ты болѣе моимъ слугою, но другомъ. Деньги твои, которыя ты мнѣ толь великодушно поручаешь, мнѣ не нужны, я благодарю за твое благородство. Чтожъ надлежитъ до Луизы, то не сокрушайся о сей невѣрной, она слезъ твоихъ недостойна, когда бы я не былъ увѣренъ о ея преступленіи, то можно ли представить, чтобы я такъ легко лишился толь великаго моего имѣнія, и толь любезной прежде бывшей своей супруги? Морицъ ничего на оное не отвѣчалъ. Потомъ П... объявилъ ему, что онъ намѣренъ оттуда ѣхать въ Л..., и принять тамъ какую нибудь должность. Поѣзжайте куда хотите, отвѣчалъ честной Морицъ, ничто не можетъ перемѣнить намѣренія моего сердца всюду вамъ слѣдовать, пока сіе спа-

старое и сморщенное чело не обратится въ прахъ. Симъ кончился разговоръ, которой для Господина и для слуги былъ чувствителенъ. На слѣдующїй день П. . . продалъ своихъ лошадей и коляску, а кучера отпустилъ въ А. . . съ великодушнымъ награжденїемъ, а самъ взявъ почтовыхъ лошадей отправился съ Морицомъ своимъ въ Л. . . .

По прошествїи четырехъ часовъ прїѣхала Луиза въ Г. . ., и отпустила своего извощика. Всякъ кто ее видѣлъ, почиталъ прекраснымъ деревенскимъ юношею. Тутъ приняла она прежнее свое имя, и назвалась Лудовикомъ Риттеръ. Она потребовала себѣ особливой горницы, ей оную отвели, и она весьма спокойно проводила ночь. Какъ новое ея платье было ей не впору; то велѣла она по-

позвать партнова, и приказала ему сшить другое. Чрезъ два дни онъ ей оное принесъ, и она въ сїе время изготовила всѣ нужныя принадлежности, и казалась въ новомъ своемъ платьѣ прекраснѣйшимъ юношею. Она вознамѣрилась ѣхать въ М. . . и тамъ хотѣла она переодѣвшись въ собственное свое платье, упражняться опять въ тойже работѣ, чѣмъ она прежде у любезной своей Госпожи Гернъ доставала себѣ пропитанїе. Принявъ сїе намѣренїе взяла она почтовыхъ лошадей и поѣхала въ М. . . подъ именемъ Лудовика Риттеръ. На пути съ нею ничего особливаго не случилось, и она щастливо туда доѣхала.

Въ то самое время какъ П. . . прїѣхалъ въ А. . ., то по причинѣ начинающейся тамъ войны между двумя Коронами набирали

 но-

новой полкѣ. Онѣ тотчасѣ вознамѣрился итти вѣ службу, и спрашивалѣ совѣта у стараго своего Морица; и когда онѣ ему присовѣтовалѣ: то принявѣ имя Фонѣ Кригберга, и назвавшись Нѣмецкимѣ дворяниномѣ, (ибо онѣ Нѣмецкой языкѣ зналѣ совершенно,) объявилѣ о себѣ тамѣ, гдѣ надлежало, и онѣ имѣлѣ щастїе, что его приняли Офицеромѣ.

Между тѣмѣ вѣ А. . ., чудная П. . . судьба была весьма примѣтна. Такой богатой человѣкѣ былѣ вездѣ извѣстенѣ, и всякой сначала старался узнать о его намѣренїяхѣ. Повѣренныя его пришли вѣ великое удивленїе, распечатавѣ его письмо и увидѣвѣ, что С. . . долженѣ быть владѣтелемѣ всего его имѣнїя. Но какѣ П. . . и Луиза подѣ другими именами

нами далеко отъ города удалились, и объ нихъ ничего не было слышно, то ихъ исторія черезъ полгода совсемъ предалась забвенію. С. . . великимъ своимъ богатствомъ наслаждался въ спокойствіи, естьли только можно сказать, что корыстолюбивый человѣкъ, желающій всегда прибыли безъ насыщенія, можетъ въ спокойствіи наслаждаться своимъ имѣніемъ. Изъ всѣхъ, кои узнали о паденіи П. . ., никто такъ худо не отзывался, какъ Бенстонъ. Прежнее Луизино щастіе возбудило въ ней величайшую ненависть, и она бы ей сдѣлала что нибудь вредное, естьлибы не опасалась П. . . А когда уже его не стало, и она не могши излить на самую ее своего мщенія; то покрайней мѣрѣ старалась распространять худой слухъ, дабы

тѣмъ замарать честное ея имя. Я вамъ объявилъ выше, что глупой Б. . . столь былъ ослѣпленъ сею недостойною, что дѣйствительно на ней женился. Не было ни одного человѣка въ А. . ., которой бы не почиталъ ихъ другъ друга достойными. Бенстонъ имѣла великую склонность къ пышности, и тогда то будучи женою богатаго купца, болѣе оною занималась; чѣмъ и гнуснымъ своимъ поведенiемъ каждаго заслужила негодованiе. Б. . . самъ былъ безумной разсточитель. И естьли справедливо, что къ обладанiю великимъ богатствомъ потребенъ хорошей разумъ: то легко можно представить, какой долженъ быть порядокъ у сихъ достойныхъ супруговъ. Экипажъ Бенстоны былъ самый превосходный и великолѣпный въ городѣ.

Она

Она никогда не ѣзжала безъ многихъ лакѣевъ, и кто ее не зналъ, то почиталъ ее съ виду знатною дамою. На разныя увеселѣнія расточаема была несчетная сумма, и такимъ образомъ накопленное скупостїю отца его богатство доставалось другимъ, и когда онъ при всемъ семъ не радѣлъ о своей торговлѣ, и оную поручилъ смотрѣнїю своихъ людей: то изъ сего и произошли для него печальныя слѣдствїя. Къ большему своему нещастїю, не имѣлъ онъ ни одного прїятеля, который бы открылъ ему глаза, подавая добрыя совѣты. Однакожъ не льзя сказать, чтобы онъ имѣлъ недостатокъ въ компанїи и обращенїяхъ. Много было людей, которыя его посѣщали, но сїи друзья были особливаго роду, они въ обращенїи своемъ искали своей

пользы, и его обманывали въ глазахъ; тунеяпцы посѣщая его для хорошаго его спола, спарались болѣе содержать его въ слѣпотѣ для собспвенной своей выгоды. Съ другой стороны супруга его имѣла также свою компанію. Горницы ея были всегда наполнены пріятными и нѣжными молодчиками, которые около ея вертясь, забавляли ее разными шутками, и во всѣмъ ей угождали, за что и сами ни въ чемъ не получали отказа. Прежде продовала она свои прелести за деньги; но теперь казалось ей оное ниско, и сама еще платила тѣмъ, кои ей болѣе услуживали. При всемъ семъ умѣла она своего мужа такъ хорошо проводить, что онъ совершенно былъ увѣренъ, что она кромѣ его никого болѣе не любитъ. И такъ онъ

но-

носилъ свои рога съ покоемъ за тѣмъ, что слѣпота его разума препятствовала оные ему увидѣть.

Луиза или лучше Риттеръ, выѣзжая изъ Г. . ., принявъ намѣренїе дорогїя свои каменья для лучшей безопасности зашить въ фалды своего платья. Въ то время всѣхъ, по причинѣ начинающейся войны, осматривали, и Риттера у воротъ М. . . остановили и послали за карауломъ къ Губернатору. Сей былъ Генералъ Фонъ О. . ., старой, честной и разумной Швейцаръ, какъ скоро Риттеръ вошелъ въ горницу и ему поклонился, то началъ его спрашивать: кто ты таковъ, мой другъ, и откуда? — Я еще никуда не записанъ, Ваше Превосходительство, называюсь Риттеръ, а ѣду изъ А. . . — Какого ты

происхожденія? — Отецъ мой былъ богатой купецъ, но по нещастію сдѣлался бѣднымъ, и умеръ съ печали — Чему ты учился? — Ничему, чѣмъ бы могъ доставать себѣ пропитанія; но я имѣлъ хорошее воспитаніе — умѣешъ ли писать и Арифметикѣ? — Умѣю — Кудажъ ты хочешь теперь? — Я ищу своего щастія — Гдѣжъ ты думаешь его найти? — Я еще того опредѣлить не могу — сколько тебѣ лѣтъ? — Семнатцатой — Хочешь ли остаться у меня, и итти въ службу? — Никакъ нѣтъ, Ваше Превосходительство, я еще молодъ, и весьма боязливъ итти въ солдаты — Не въ солдаты, а я ищу моему сыну Камердинера; ты мнѣ нравишся, и когда у меня останешся, то и сыну моему будетъ сіе весьма пріятно — я почитаю ваше предложе-

ложенїе знакомъ вашей ко мнѣ милости, но я не могу онаго принять. Я имѣю богатыхъ сродниковъ, они могутъ мнѣ помочь въ упадшемъ моемъ щастїи — хорошо! Сродники, другъ мой! они часто помогаютъ менѣе чужихъ. Я тебѣ говорю, ты мнѣ нравишся, останься у меня, я буду твоимъ сродникомъ, и буду о тебѣ стараться — Риттеръ еще не успѣлъ отвѣчать, какъ дверь отворилась, и одна молодая и прекрасная женщина около 16 лѣтъ вошла въ оныя. Это была дочь сего человѣколюбиваго Генерала. Она поклонясь своему отцу и потомъ молодому чужестранцу, подошла къ первому и говорила ему нѣчто на ухо. Онъ ей на оное отвѣчавъ, сказалъ на Французскомъ языкѣ: посмотри, сударыня, на сего молодаго Голандца — Онъ

мнѣ кажется искусной юноша, я бы желалъ, чтобы онъ у меня остался, отъ него можно надѣяться много добра. Во время словъ сихъ разсматривала дочь его Риттера; а сей оное примѣтя потупилъ съ стыдливостїю свои глаза. Когда бы онъ зналъ, отвѣчала она, что вы своихъ слугъ почитаете какъ людей, и находите свое удовольствїе въ ихъ щастїи: то бы конечно на сїе согласился. Но куда хотите вы его опредѣлить? Онъ кажется рожденъ не къ подлой должности. Карлъ, говорилъ Генералъ, сдѣланъ прапорщикомъ, и я хочу, чтобы онъ имѣлъ отмѣннаго слугу, а сей юноша мнѣ весьма показался. Риттеръ при сихъ словахъ нѣсколько покраснѣлъ, дѣвица Фонъ О. . . сїе примѣтя, заключила, что онъ все разумѣлъ, что говорили,

и

и открыла сїе своему отцу. Разумѣешь ли и говоришь ли по Французски? Спросилъ его Генералъ. Разумѣю, Ваше Превосходительство, отвѣчалъ Риттеръ — И такъ ты понялъ о чемъ мы говорили, сїе еще болѣе умножаетъ мое желанїе, чтобъ ты у меня остался. — Я не разумѣю должности, Ваше Превосходительство, мнѣ до сихъ поръ, какъ я былъ въ благополучїи, самому прислуживали — Но теперь ты не въ благополучїи, и такъ долженъ согласоваться со временемъ, и еще ты себя никуда не опредѣлилъ: то тебѣ все равно будетъ и у меня остаться. Но я примѣчаю, что слово слуга ему противно; а когда тебѣ оное не нравится, будь хоть товарищемъ моему сыну, и за нимъ присматривай. Подумай о семъ хорошенько, и естьли не

не захочешъ у меня остаться, то я тебя не держу.

Риттеръ не зналъ на что ему при семъ разговорѣ должно было рѣшиться. Онъ предвидѣлъ опасность въ семъ домѣ, естьли узнаютъ собственной его полъ, и охотно бы желалъ изъ онаго освободиться; но какъ онъ еще не зналъ Генерала, и не хотѣлъ его прогнѣвать, опасаясь худыхъ слѣдствій, ежели будетъ отговариваться: то сказалъ наконецъ, что онъ за особливую сочтетъ честь, служить такому честному Господину. Генералъ потрепавъ его по плечу, сказалъ, что онъ его не оставитъ. Хотя дочь его при семъ ничего не говорила, и наблюдала тихое молчаніе: однако проницательной взоръ Риттера примѣтилъ, что она особливую ощущала радость, когда онъ возна-

намѣрился остаться. Поди сударыня, и пошли мнѣ своего брата. Она тотчасъ побѣжала, и чрезъ минуту послѣ того показался изрядной молодой Господинъ въ мундирѣ. Смотри Карлъ, не стараюсь ли я о тебѣ? Вотъ тебѣ товарищъ, которой будетъ за тобой смотрѣть. Сынъ поцѣловавъ руку своего отца, сказалъ, что онъ его весьма благодаритъ за сей подарокъ. Онъ сїе говорилъ по Французски, и взглянувъ на своего товарища, сдѣлалъ ему на семъ же языкѣ прїятной комплементъ, и спросилъ о его имени. Риттеръ съ великою учтивостїю объявилъ ему оное; сей молодой дворянинъ испросивъ позволенїя у своего родителя, взять его съ собою, повелъ въ свою горницу. Молодой Фонъ О... былъ точное изображенїе честнаго своего отца.

Ему

Ему еще не было полныхъ 18 лѣтъ, но уже оказалъ многія опыты благороднаго своего сердца. Въ первыя часы знакомства сихъ молодыхъ юношей, Фонъ О. . . . въ Риттерѣ находилъ особливое удовольствіе, а послѣ уже не могъ съ нимъ и растаться. Сильная его дружба такъ далеко простиралась, что онъ его часто прижималъ къ своей груди и осыпалъ поцѣлуями такъ, что онъ не нѣжнѣе бы обходился, естьлибы и точной его узналъ полъ. Онъ его почиталъ не такъ какъ слугу, но дѣлалъ въ угодность его всякія увеселѣнія. Онъ, хотѣлъ, чтобы Риттеръ спалъ въ его горницѣ, но сей на оное никакъ не соглашался. Риттеръ ввечеру ложась спать, запиралъ какъ можно крѣпчѣ свою дверь, и когда Фонъ О. . . стучался у оныхъ, чтобъ

чтобъ съ нимъ о чемъ нибудь поговорить: то онъ притворялся спящимъ. Часто просилъ его Фонъ О. . ., чтобы онъ ночью оставался съ нимъ, и спалъ бы на одной постелѣ; но Риттеръ всегда искусно отъ того отговаривался.

Риттеръ спокойно жилъ въ семъ домѣ. Всякой его любилъ, и самъ Генералъ находилъ великое удовольствїе въ дружбѣ къ нему своего сына. Онъ часто трепалъ его по плечу, и называлъ его прямо съ отеческимъ дружелюбїемъ своимъ сыномъ, часто его дарилъ, и Риттеръ не носилъ никакой Ливреи. Дѣвица Фонъ О. . . также находила великое удовольствїе въ его обхожденїи. Она посѣщая часто своего брата, познавала въ обращенїи Риттера хорошїя его дарованїя и склонности, она провождала также цѣлыя

часы

часы съ нимъ на единѣ въ отсудствїе своего брата. Всѣ служители въ домѣ его любили, а особливо женщины весьма его почитали; но онъ никогда не терялъ своей важности.

Сїи хорошїя обстоятельства произвели въ сокровенномъ сердцѣ подъ платьемъ Риттера нещастной и бѣдной Луизы нѣкоторое спокойствїе духа. Съ покойствїемъ духа возвратилось опять здоровье; она снова начала разцвѣтать, лице ея опять получило прежнїя прелести, такъ, что всякъ кто ее ни видалъ, съ удивленїемъ признавался, что никогда такого прекраснаго юношу не видалъ. Риттеръ часто съ Фонъ О. . ѣзжалъ верьхомъ, и всякой смотря на нихъ любовался. Прочїе молодыя Офицеры служащїе въ полку Генерала Фонъ

О. . .

Ө. . . и посѣщающїе его сына также любили Риттера, и заключали изъ преимущества оказываемаго ему старымъ Генераломъ, что онъ его современемъ сдѣлаетъ Офицеромъ. При всемъ томъ Луиза часто имѣла неспокойныя часы, она не рѣдко цѣлыя ночи провождала въ сѣтованїи. Днемъ должна она была беречься, чтобы не сдѣлать себѣ ни малѣйшаго принужденїя, и весьма часто вставала съ своей постели съ орошенными отъ слезъ глазами. П. . . царствовалъ еще въ ея сердцѣ съ неограниченною властїю. Она сперва наслаждалась его любовїю, и онъ былъ достоинъ быть любимымъ отъ сего Ангела. Сердце ее было расположено любить только его, она отъ первыхъ началъ своей любви, любила его съ великою нѣжностїю, и промѣняла

бы цѣлое Королевство, только чтобъ его найти, и хотя онъ весьма чувствительно ее обидилъ; но она ему съ охотою прощала.

Таковы-то были внутреннія и внѣшнія обстоятельства Луизы, мы къ ней опять обратимся подъ имянемъ Риттера. Онъ былъ весьма почитаемъ въ Генеральскомъ домѣ, однако онымъ не гордился. Старому Генералу оказывалъ всегда великое почтеніе безъ всякой нискости. Онъ почиталъ въ его особѣ почтеннаго мужа и своего благодѣтеля. Оказываемую ему молодымъ Фонъ О. . . чрезвычайную дружбу, не употреблялъ во зло, но всегда его почиталъ. Дѣвицѣ Фонъ О. . . . оказывалъ свою преданность. Обыкновенно почти въ большихъ домахъ любимцы господъ навлекаютъ на себя ненависть и зависть про-

прочихъ служителей. Съ молодымъ Риттеромъ сего не случилось. У Генерала въ домѣ находилось великое число всякихъ служителей; однакожъ не одинъ не былъ врагомъ молодому Риттеру. Онъ каждому, даже и маленькому, дѣлалъ угожденіе, и такъ не было удивительно, что благородныя свойства Риттера могли пріобрѣсть каждаго довѣренность.

Не правда ли любезная пріятельница! вы спросите меня, въ чемъ состояло единственное упражненіе Риттера въ семъ домѣ? Конечно Риттеръ время провождалъ не въ праздности. Молодой Фонъ О. . . былъ весьма горячаго сложенія, и его горячность препятствовала ему въ томъ, чему онъ учился, оказывать успѣхи; но теперь въ обхожденіи съ Риттеромъ познавалъ онъ свою сла-

бость. Я вамъ выше объявлялъ, что Луиза имѣла не только хорошее воспитанїе, но и съ пользою оное употребляла. Она много упражнялась въ чтенїи, и имѣя острую память, знала исторїю всѣхъ Государствъ. Она то, чему училась Луизою, сообщала подъ имянемъ Риттера своему прїятелю и была при немъ вмѣсто учителя. Фонъ О. . . едва говорилъ по Французски и то очень худо. Риттеръ его исправилъ, и научилъ еще по Италїански. Онъ также умѣя хорошо рисовать, училъ и его оному; ученикъ же его имѣя великую способность, оказывалъ во всемъ хорошїе успѣхи. Старой Генералъ видя все оное съ великимъ удовольствїемъ не требовалъ отъ Риттера никакихъ другихъ упражненїй, и опредѣлилъ ему прямо великодушное содержанїе.

Риттеръ былъ довольное время въ Генеральскомъ домѣ. Слухъ о войнѣ миновался, и только говорили о мирѣ между обѣими Коронами. И такъ Генералъ остался при своихъ полкахъ, а Риттеръ въ его домѣ. Риттеръ примѣтилъ съ нѣкотораго времени великую перемѣну въ дѣвицѣ Фонъ О. . ., она была весьма веселаго нрава, и любила разныя увеселенїя. Она любила также благопристойныя шутки; а Риттеръ, въ свободное время, имѣя къ тому отмѣнное дарованїе, дѣлалъ ей въ томъ великое удовольствїе. И такъ прежнїя ея дни протекали въ радости и невинности. По малу начала примѣтно становиться нѣкоторая важность. Старой ея родитель, которому сїе было примѣтно, ничего о томъ не заключалъ, онъ думалъ, что сему при-

чиною было то, что она выходила изъ ребяческихъ лѣтъ. Но столькожъ невинной какъ и прозорливой Риттеръ думалъ совсѣмъ не такъ, онъ выводилъ изъ того такое заключенїе, которое благородное его сердце такъ, какъ кинжаломъ поражало. Когда онъ бывалъ вмѣстѣ съ дѣвицею Каролиною и ея братомъ: то не только примѣчалъ одну великую ея задумчивость, и прерывающїяся вздохи, но также ясно читалъ въ ея глазахъ, чѣмъ занималось ея сердце. Прежде ея глаза смѣло глядѣли на Риттеровы, но тогда взоры ея были робки, и когда случалосъ, что его глаза встрѣчались съ ее, то она свои потупляла и краснѣла. Молодой Фонъ О. . . былъ вѣтренъ, и онаго не примѣчалъ. Никто не зналъ точной причины сей перемѣны, кромѣ

Каро-

Каролины и Риттера, и никто болѣе ихъ не старался оное скрыть. Риттеръ видя, что онъ столько не щастливъ, что тронулъ сердце невинной и прекрасной дѣвицы, хотя въ томъ ни мало не былъ виноватъ, однако весьма о томъ сожалѣлъ. Не довольно ли, говорилъ онъ самъ себѣ, что я не щастливъ, и потерянною любовїю ввергался въ ровъ погибели, долженъ ли я еще и бѣдное невинное сердце воспалить любовїю, которой никогда не могу соотвѣтствовать? Онъ весьма сожалѣлъ о дѣвицѣ, и трепеталъ, разсуждая о слѣдствїяхъ отъ того произойти могущихъ. Онъ было вознамѣрился оставить домъ; но представя благосклонность Генерала и дружбу его сына, не осмѣливался открыть истинную тому причину, а тайно уйти не хотѣлъ

для того, что оное могло бы честь его опорочить. Ему предлежала еще одна дорога, которую онъ избралъ бы, естьлибъ доброе его сердце на оное согласилось. Онъ могъ бы самому Генералу, которой съ нимъ цѣлыя часы иногда разговаривалъ, оное открыть; а сей бы конечно за сїю вѣрность и некорыстолюбїе, не только бы его похвалилъ, но еще бы съ великимъ награжденїемъ отпустилъ. Но разсудя о томъ, какое онъ поношенїе нанесетъ сей благородной дѣвицѣ своимъ преступленїемъ, не получа еще изъустнаго изъясненїя, отложилъ сїе намѣренїе. Онъ не могши выдумать ни одного средства къ своей безопасности, положилъ убѣгать ея обхожденїя и разговоровъ, а болѣе всего остерегаться, чтобъ не быть съ нею

на единѣ такъ, какъ случалось прежде. Ежели Фонъ О. . . . не было дома, то ходилъ онъ къ Генералу, а когда и тому не досужно было, то ходилъ онъ прогуливаться.

Каролина была прозорлива, она скоро примѣтила перемѣну въ поступкахъ Риттера. Любовь дѣлаетъ недовѣрчивымъ. Сїя невинная дѣвица сперва знала только одно названїе любви, и она уже давно весьма нѣжно любила Риттера, сама о томъ не зная. Риттеръ, говорила она сама себѣ, не такъ часто прежде выходилъ изъ своей горницы, какъ теперь, не меня ли онъ убѣгаетъ? — Но — какїя ужасныя мысли! для чего ему меня убѣгать? Какъ онъ меня и себя почитаетъ? Пусть какъ бы онъ меня не уважалъ, я его всегда почитаю добрымъ, и онъ

заслуживаетъ моей любви, но могу ли я себя увѣрить, что и я ему также нравлюсь. Его преданность, каковую онъ ко мнѣ являетъ, не увѣряютъ ли меня въ его дружествѣ, однакожъ онъ застенчивъ, — — — Онъ скроменъ, онъ знаетъ мое и свое состоянїе. Но что такое происходитъ во мнѣ, что заставляетъ меня желать, чтобы сїе состоянїе не дѣлало великой между нами разности? Можетъ быть онъ бы болѣе умножилъ свою ко мнѣ довѣренность и дружбу. Дружбу — — но дружба бываетъ различна, я люблю дѣвицу Фонъ W. . ., но я ее люблю не такъ много какъ Риттера — Любовь — Любовь? Небо какъ сїе слово могу я произнесть! нѣтъ, нѣтъ мое сердце! ты обманываешся, я его только почитаю. По сихъ словахъ начала она играть

на

на клавикордахъ, чтобъ тѣмъ разогнать безпокойныя свои мысли. Наконецъ она черезъ одинъ случай совершенно увѣрилась о справедливости своей любви.

Риттеръ и молодой Фонъ О. . . въ одинъ прекрасный лѣтнїй день поѣхали верьхами прогуливаться. Едва они съ полверсты отъѣхали отъ города, лошадь подъ Риттеромъ спотыкнувшись упала, и подмяла подъ себя ногу своего сѣдока. Она скоро вскочила и была поимана слугою; но Риттеръ, какъ его подняли, совсѣмъ не могъ ступить на ногу. Фонъ О . . . весьма испугался, и спрашивалъ нѣсколько разъ, въ которомъ мѣстѣ чувствуетъ боль? И какъ Риттеру не льзя было опять сѣсть на лошадь: то Фонъ О. . . тотчасъ приказалъ слугѣ остаться при Риттерѣ, а самъ поскакалъ

во всю прыть въ городъ. Каролина сидѣла тогда у окошка, какъ братъ ея прискакалъ домой. Лице его было свирѣпо и блѣдно, онъ скочилъ съ лошади и побѣжалъ на дворъ. Небо! вскричала ужаснувшаяся дѣвица, что значитъ сїя торопливость? Для чего Риттера съ нимъ нѣтъ? Не сдѣлалось ли съ нимъ какого нещастїя? Сїи мысли такъ ея обезсилили, что сама не могла къ нему вытти. Она подошла опять къ окошку, и черезъ двѣ минуты увидѣла карету своего отца, выѣзжающую изъ дому во всю скачь. Какое явленїе! Боже! что это значитъ? Вскричала она, и едва имѣла столько силъ, чтобъ позвонить въ колокольчикъ, чтобъ пришла горнишная ея дѣвка. Потомъ бросилась она на стулъ, и дѣвка нашла ее въ обморокѣ.

Спа-

Старанїемъ ее приведена была опять въ себя, и открывъ глаза спрашивала, дома ли батюшка? Дѣвка отвѣчала, что дома — Кого же нѣтъ дома? Для чего мой братъ съ такою поспѣшностїю взялъ карету? — Этого я не знаю сударыня, вашъ братецъ такъ торопился, что ни съ кѣмъ ни слова не говорилъ, а только понуждалъ кучера, чтобъ онъ скорѣе закладывалъ карету. — Небо! конечно сдѣлалось какое нибудь нещастїе, но съ кѣмъ оное случилось? Съ кѣмъ выѣхалъ мой братъ? Съ господиномъ Риттеромъ. При семъ имяни снова бы впала въ обморокъ, естьлибы дѣвка не поднесла спирту къ ее носу. Чрезъ нѣсколько времени карета возвратилась, которую Каролина со страхомъ ждала. Карета ѣхала весьма медлительно,

и Каролинино сердце поражалось тысячью кинжалами, когда увидѣла, что Риттера изъ оной вывели и понесли въ покои. Она симъ была поражена какъ громовымъ ударомъ, и впала въ нѣкоторой родъ нечувствительности; однакожъ скоро оправилась. Дѣвка вышла, черезъ минуту она ее опять кликнула, и спрашивала, что съ Риттеромъ сдѣлалось? — Я еще сударыня точно не могла узнать, одинъ изъ служителей сказывалъ, что Риттеръ упалъ съ лошади, и переломилъ ногу. Это ужасно, вскричала Каролина поблѣднѣвъ, и не желая, чтобы дѣвка примѣтила ее безпокойство, велѣла ей сходить къ своему брату, и сказать ему, чтобы онъ сдѣлалъ ей дружбу, побывалъ бы къ ней. Однакожъ онъ долго не показывался.

Ме-

Между тѣмъ она сама хотѣла вытти, о семъ освѣдомиться, она бы и конечно пошла въ братнину горницу, естьлибы благопристойность ее не удерживала. Наконецъ пришелъ къ ней Фонъ О. . ., что такое братецъ случилось, говорила она ему, правда ли, что будто Риттеръ переломилъ себѣ ногу? Успокойся сестрица, отвѣчалъ онъ, Риттеръ упалъ только съ лошади, и повихнулъ лѣвую ногу въ чашкѣ; но онъ бы получилъ великой вредъ, естьлибы лакей не схватилъ лошади; для того что когда она вскочила: то нога Риттерова по самую икру осталась въ стременѣ. Лѣкарь ее перевязалъ, и сказалъ, что нечего опасаться. — Сїи слова Каролину нѣсколько успокоили; однако она не могла удержаться, когда братъ ее отъ ней вышелъ, чтобы

бы не пролить нѣсколько слезъ, и съ оными не имѣть сердечнаго и дружескаго о Риттерѣ сожалѣнія. Сколь охотно желала она его посѣтить, но слово благопристойность ей въ томъ препятствовала; Риттеръ лежалъ въ постелѣ, и она бы конечно его посѣтила, естьлибы не была въ него влюблена. Старой Генералъ самъ принималъ участіе въ семъ нещастномъ случаѣ, онъ часто Риттера посѣщалъ, и старался о немъ отечески. Фонъ О. . . старался, чтобы и постель Риттерова была перенесена въ его горницу, на что и самъ Риттеръ согласился, и Генералъ самъ находилъ оное справедливымъ. Каролина также къ сему побуждала своего брата, нежели отговаривала; отъ сего надѣялась она двойной пользы, вопервыхъ, что

за нимЪ лучше будутЪ присматривать, а во вторыхЪ, что она чаще можетЪ его посѣщать, когда онЪ вЪ состоянiи будетЪ вставать сЪ постели. Между тѣмЪ РиттерЪ не получилЪ никакого облегченiя, вЪ первую ночь приспала кЪ нему лихорадка, и сiя вмѣстѣ сЪ болѣзнiю, чувствуемою имЪ отЪ ноги, весьма его безпокоила. Каролина узнала поутру отЪ своего брата о состоянiи Риттера, и какЪ скоро онЪ ее оставилЪ, то предалась она своей печали, она дала вольное теченiе своимЪ слезамЪ. Довольно плакавЪ, осушила свои глаза и начала разсуждать сама сЪ собою. Ясно вижу, что моя кЪ нему склонность болѣе, нежели дружба; сначала меня оное ужасало, но теперь признаюсь, что я его люблю. ТакЪ, я его люблю, гово-

рила она, онъ того достоинъ; его совершенства и заслуги меня побѣдили, а прїятное его лице сдѣлало побѣду совершенною. Для чего чинъ и природа дѣлаютъ между нами различїе? Я презираю оныя безъ заслугъ. Но мой отецъ — Мои сродники — Славная фамилїя Фонъ О. . . Какъ можетъ все оное согласиться съ желанїями моего сердца? Они оныхъ никогда не примутъ, и такъ я должна остаться нещастною — — Слезы послѣдовали симъ размышленїямъ, а онымъ новыя заключенїя. Но, продолжала она, время побѣдитъ мою склонность, предвѣщающую мнѣ нещастїе? Я на сїе покушусь, Риттеръ самъ меня въ томъ подкрѣпитъ. Не примѣтила ли я, что и онъ убѣгаетъ моего обхожденїя? Вѣрно онъ примѣтилъ мою любовь, и это есть явной

знакъ

знакЪ, что онЪ меня не любитЪ. — Но для чего, прекрасный мой, ты меня не любишЪ? АхЪ! покрайней мѣрѣ скажи мнѣ, какимЪ образомЪ могу я опять воставить вЪ моемЪ сердцѣ спокойствїе, котораго ты меня лишилЪ? или когда сего сдѣлать не можешь: то покрайней мѣрѣ полюби меня, и не подвергай отчаянїю меня нещастную. Она бы можетЪ быть долго продолжала сей сама сЪ собою разговорЪ, естьли бы не помѣшалЪ ей вЪ ономЪ ея родитель. Сей добрый отецЪ купилЪ ей брилїантовые серьги, и хотѣлЪ самЪ имѣть удовольствїе ей оныя принесть. ОнЪ пришелЪ вЪ великое удивленїе, примѣтя изЪ глазЪ своей дочери, что она плакала. КакЪ? любезная моя дочь! ты плакала; какая печаль тебя безпокоитЪ? Каролина молчала. Раз-

вѣ ты не хочешь открыть отцу твоему свое сердце? Можетъ быть я хочу чѣмъ нибудь оной помочь. Дѣвица тронувшись сею благосклонною рѣчью, и не могши сказать своему отцу, чѣмъ безпокоилось ея сердце, закрыла глаза свои платкомъ, дабы скрыть свое смущенiе. А отецъ ея продолжалъ рѣчь свою тихимъ тономъ, между тѣмъ Каролина имѣла время прибѣгнуть къ выдумкѣ, которую она въ семъ случаѣ почитала необходимо нужною, чтобы удовольствовать требованiе своего отца. Я вспомнила, начала она наконецъ, при семъ туалетѣ о покойной моей матушкѣ, образъ ея мнѣ представился, и я не могла удержаться, чтобы въ жертву сего нѣжнаго напоминовенiя, не пролить нѣсколькихъ слезъ. Отецъ ея тѣмъ былъ доволенъ, и

и утѣшалъ ее лучшимъ образомъ, а чтобъ сїе утѣшенїе болѣе имѣло въ ней впечатлѣнїя, то подарилъ ей серьги и ушелъ. Каролина была разумная женщина. Милости ея родителя привели ее въ стыдъ. О! я нещастная, говорила она, что я сдѣлала? Я обманула такого добраго и милостиваго отца. — Вотъ плоды любви. О! любовь, когда ты раждаешь пороки, и дѣлаешь людей порочными, то я навѣки тебя оставлю — Нѣтъ, любовь не можетъ сдѣлать порочнымъ; не читала ли я въ лучшихъ книгахъ, что чистая любовь побуждаетъ насъ болѣе къ добродѣтели? Но пусть сїи извиненїя откуда ни происходятъ; однако они не уменьшаютъ преступленїя. Сїе-то происходило съ Каро-

линою, которая уже очень была увѣрена въ своей любви.

Между тѣмъ, какъ Каролинина болѣзнь отчасу болѣе умножалась отъ того, что дѣлала насиліе своему сердцу, преодолѣвая свою любовь; Риттеру становилось легче, и онъ чрезъ двѣ недѣли былъ въ состояніи вставать съ постели. Каролина какъ скоро о семъ узнала; то не могла противиться желаніямъ своего сердца, чтобъ его не видѣть. Правда, она дѣлала сама себѣ многія противорѣчія, но любовь побѣдила все. Въ одинъ день, зная, что братъ ее былъ дома, пошла въ его горницу. Она вооружала сердце свое бодростію, и повелѣвала ему быть осторожнымъ, чтобы не подать какого подозрѣнія. Однако сердце ее было не послушно. Съ каждымъ шагомъ оно сильнѣе трепетало.

Дрожащими руками отворила она дверь, и примѣтное ея смущенïе открыло бы брату ея всю тайну, естьлибы блѣдное Риттерово лице и томной взоръ, прежде бывшихъ огненныхъ его очей, не превращали сильную ея страсть въ нѣжное сожалѣнïе. Она показывала свою чувствительность о его нещастïи, и желала ему скораго выздоровленья. Сколько она ни старалась ободряться; однако прозорливой взоръ Риттера примѣтилъ происходящее въ ея сердце безпокойство; онъ видя въ лицѣ ея великую перемѣну, и въ ея глазахъ великое ея сѣтованïе, весьма опечалился, чтобы Каролина приняла въ свою пользу, естьлибъ не подумала, что печальный его тонъ и дрожащïй голосъ, происходили отъ слабости и болѣзни. Она чрезъ полчаса его оставила, и Риттеръ

примѣтилъ, что она при выходѣ пролила нѣсколько слезъ, что и его принудило прослезиться. Черезъ нѣсколько дней Риттеръ совсѣмъ выздоровѣлъ. Всѣ домашнія тому радовались. Онъ бы опять началъ жить щастливо, естьлибы къ прежнему его безпокойству не присоединилось еще новое. П. . . царствовалъ всегда въ его сердце; Каролина также причиняла ему великую печаль. Однакожъ онъ всегда оставался при первомъ своемъ намѣреніи, и тщателно убѣгалъ ея сотоварищества; наконецъ къ великому своему удовольствію и самъ примѣтилъ, что она также его убѣгала. Въ такомъ состояніи дѣла продолжались съ мѣсяцъ, и Риттеръ дѣлалъ уже себѣ пріятныя представленія, что Каролина исцѣлилась отъ своей страсти: но одинъ нечаян-

чаянной случай все оное разрушилъ.

Не возможно думать, чтобы Каролина сдѣлала совершенную побѣду надъ своимъ сердцемъ. Воздержанiе ее, не видѣть Риттера, было весьма принужденно. Она чувствовала, что любовь ее такъ далеко распространила свои корни, что оныя не прежде можно искоренить, пока сердце ее не будетъ растерзано. Въ самыя тѣ часы, когда она наиболѣе старалась себя преодолѣвать, одинъ взоръ Риттера все оное разрушалъ. Каролина однажды дала ему портретецъ, и просила его оной срисовать. Риттеръ съ удовольствiемъ оное исполнилъ, и съ такимъ искусствомъ, что рисунокъ былъ превосходнѣе подлинника. Онъ въ два дни его окончилъ и дожидался, чтобъ она за нимъ прислала.

Но она не присылала, и будто про него позабыла. Онъ могъ бы къ ней отослать, но думалъ, что тѣмъ ее прогнѣваетъ. Однажды послѣ обѣда стоялъ онъ возлѣ окошка, и увидѣлъ, что дѣвица Фонъ О. . . вышла изъ покоевъ и пошла въ садъ. Онъ тотчасъ принялъ намѣренїе сей случай употребить въ свою пользу, и взявъ портретъ, понесъ его въ ее горницу, и положилъ на столикъ. Онъ хотѣлъ вытти, что и весьма бы хорошо сдѣлалъ, но стоящїе въ той горницѣ Клавикорды его удержали. Какъ онъ не думалъ, чтобы Каролина скоро возвратилась; то отдался произшедшему въ немъ побужденїю на нихъ поиграть. Онъ нашелъ на оныхъ извѣстную ему оперу, и началъ ее играть. Между тѣмъ Каролина едва прошедъ одну алею по-

пошла въ свою горницу. Она шла черезъ дѣвичью въ тѣ двери, къ которой Риттеръ сидѣлъ спиною. Она услыша, что кто-то играетъ въ ее горницѣ, потихоньку отворила дверь, и видя, что то былъ Риттеръ, подошла къ нему потихоньку, и стала за нимъ. А какъ штучка, которую онъ игралъ была чувствительна, то онъ ничего и не видалъ. Дѣвица удивилась его способности и искусству, съ каковымъ онъ игралъ ту самую по себѣ весьма трудную штучку, совсѣмъ не зная, что онъ играетъ на инструментахъ, ибо онъ о томъ никому не открывалъ. Наконецъ Риттеръ кончилъ. Онъ заботясь, чтобъ его не застала Каролина, всталъ и хотѣлъ вытти вонъ; но сколь онъ ужаснулся, когда оборотясь увидѣлъ ее за собою. Лице его покрылось

сты-

стыдливымъ румянцемъ, и онъ въ такое пришелъ смущенїе, что не могъ выговорить ни одного слова. Какъ? Господинъ Риттеръ! говорила Каролина, вы столь долго живучи въ нашемъ домѣ, были столь завистны, что скрывали свое искусство въ музыкѣ? Между тѣмъ Риттеръ нѣсколько опомнясь, сказалъ, простите мнѣ, милостивая государыня! отвѣчалъ онъ, что я, въ ваше отсудствїе, имѣлъ смѣлость войти въ вашу горницу и играть на сихъ клавикордахъ, я хотѣлъ портретъ — — нечего мнѣ вамъ простить, любезной Риттеръ, прервала она его рѣчь, я болѣе радуюсь, что узнала новую вашу способность. Но скажите пожалуйте, для чего вы такъ долго о семъ молчали? На сїе отвѣчалъ Риттеръ, я не имѣю другихъ причинъ, кромѣ

того,

того, что я еще слабЪ. Слабы? отвѣчала она, конечно нѣтЪ, РиттерЪ! не думайте, чтобы я хотѣла вамЪ льстить, когда скажу, что вы лучше меня играете. Я великая охотница до музыки, естьли какой человѣкЪ не имѣетЪ никакихЪ другихЪ способностей, кромѣ сей; то я его за оную весьма почитаю. Но, любезной РиттерЪ! сдѣлайте мнѣ дружбу, сыграйте еще эту штучку. ОнЪ не могши ей вЪ томЪ отказать, сѣлЪ и началЪ играть, а она стала подлѣ его. Хотя онЪ глядѣлЪ не на нее, но вЪ свои ноты, однакожЪ замѣтилЪ, что ея глаза болѣе имЪ, нежели уши музыкою занимались, и она иногда испускала вздохи. НаконецЪ онЪ кончилЪ. — Я думаю, вы, господинЪ РиттерЪ! также хорошо поете, какЪ и играете? У меня

меня есть вокальные ноты; сдѣлайте дружбу спойте что нибудь изъ оныхъ — Нѣтъ, милостивая государыня, этаго я не могу сдѣлать, ибо мой голосъ не складенъ — Ну, такъ я это сдѣлаю, а вы поиграйте. По сихъ словахъ пошла она къ маленькому столику, и вынула изъ онаго множество нотъ, изъ которыхъ одну, по нѣкоторомъ исканіи, подала Риттеру, а прочія положила на крышку клавикордъ. Сія штучка была весьма чувствительна и плачевна. Въ ней одна любовница жаловалась на суровость нечувствительнаго любовника весьма жалостнымъ тономъ; она показывала ему гробъ, въ которомъ она опять найдетъ потерянное свое спокойствіе. Оба какъ играющій, такъ и поющая чувствовали отъ того нѣкоторую печаль,

печаль, да какъ же бы оное могло и быть иначе? Риттеръ думая о П. . . . игралъ съ весьма трогательною, и его чувствительность выражающею нѣжностію; а Каролина о любезномъ своемъ Риттерѣ. Штучка была окончана, и они оба послѣ того сидѣли задумавшись не говоря ни слова. Наконецъ Каролина вздохнувъ начала: скажи мнѣ, любезной мой Риттеръ, естьли такія случаи въ самой природѣ, каковой здѣсь оплакиваетъ нещастная; или сочинитель слѣдовалъ одному только своему воображенію? На сіе не могу я вамъ рѣшительно отвѣчать, говорилъ Риттеръ, это я думаю только одни замысловатыя выдумки искусныхъ сочинителей. Каролина вздохнула. Однакожъ, Риттеръ, я сему вѣрю, говорила она — — — О! какъ ты щас-

щастливъ, что не имѣешь понятія о такомъ состояніи, мучительнѣе котораго представить не можно. Риттеръ, которому сей разговоръ не нравился, и желая скорѣе оной прекратить, не отвѣчая ничего, началъ играть новую штучку. Но онъ при семъ ничего не выигралъ, содержаніе и сей было подобно первой. Каролина не пѣла, и онъ примѣтилъ, что она начала плакать. Наконецъ пересталъ онъ играть, и тутъто произошло весьма трогательное явленіе. О! Риттеръ, вскричала она и замолчала. Силы ее ослабѣли. Она положила дрожащую свою руку на его плечо и нѣсколько ободрилась. О Риттеръ, не въ моей ужь болѣе волѣ скрывать отъ тебя тайну, разрывающую слабое и побѣжденное мое сердце. Повѣрь мнѣ, продолжала она,

она съ стремленїемъ, я знаю, я чувствую стыдъ, происходящїй отъ сего гнуснаго признанїя, но престанетъ ли оно быть гнуснымъ, когда и будетъ сокровенно въ семъ сердцѣ, или увеличится объясненїемъ онаго? Знай, Риттеръ! ты причинилъ сему побѣжденному сердцу нещастнѣйшее разоренїе; ты уничтожилъ все мое спокойствїе. Естьли я обращусь на прошедшїя мои дни, какъ они были спокойны: но нынѣ, когда тебя узнала, все мое спокойствїе изчезло — Но для чего я тебя укоряю? Ты не виноватъ въ претерпѣваемомъ мною мученїи. Меня сїе непослушное сердце и твои заслуги принудили полюбить тебя. Такъ, знай Риттеръ, я люблю тебя! я многократно старалась сему противиться; но когда уже сего не могла исполнить:

то приняла намѣренiе жизнь свою оплакивать въ великомъ сѣтованiи, но сего дня всѣ мои намѣренiя изчезли. Сердце сiе должно, или разорваться на части, или привести другое, его угнѣтающее, въ сожалѣнiе — — Ну, Риттеръ! избирай изъ двухъ одно, или удостой нещастную, саму себя посрамившую, и болѣе себя тебя любящую, соотвѣтствованiемъ своей любви; или когда сего не хочешь, то возьми кинжалъ и порази онымъ сердце той дѣвицы, которая безъ тебя жить не можетъ, и которой смерть во всемъ своемъ страшномъ видѣ тысячу разъ прiятнѣе жизни безъ того, которой ей милѣе всего на свѣтѣ. Каролина, хотя бы цѣлой часъ говорила, тобъ въ удивленiе пришедшiй Риттеръ рѣчи ея не перебилъ, естьлибъ свирѣпость ея голоса,

сЪ каковымЪ она говорила послѣднюю часть своего разговора, не пробудила его отЪ исступленія. ОнЪ на нее взглянулЪ, но чтожЪ увидѣлЪ! Слабый румянецЪ покрывалЪ ее щеки, свирѣпость блистала изЪ ея глазЪ, лице ея было разсѣяно, грудь ея вздымалась, и не видно было болѣе пріятнаго образа, преждней кроткой и тихой Каролины. УжасЪ его обЪялЪ и онЪ не могЪ отвѣчать. КакЪ? Вскричала дѣвица ФонЪ О. . . . отчаяннымЪ голосомЪ, звѣрь! варварЪ нечувствительной! ты не удостоиваешь меня и отвѣтомЪ? О какЪ я нещастна! прежде меня не любили, а теперь презираютЪ! будьте прокляты тѣ часы — — —. Для Бога, милостивая государыня, успокойтесь! оставте сіе сильное стремленіе! естьли кто нибудь теперь взойдетЪ вЪ гор-

горницу, когда взойдетъ вашъ батюшка, Боже! что онъ заключитъ! успокойтесь, я буду вамъ отвѣчать. Сіи слова имѣли желанное дѣйствіе. Она успокоилась и требовала его отвѣта, потупивъ глаза свои въ землю. Послушайте, сударыня, разума, говорилъ Риттеръ, и послѣдуйте тому, что я вамъ буду говорить. Подумайте о вашемъ чинѣ, о вашемъ рожденіи, о вашей фамиліи и о вашемъ имѣніи. А я бѣдной, оставленной всѣми, нещастной, ничего кромѣ честнаго имени не имѣющій, нискаго рожденія безъ всякихъ чиновъ. Скажите мнѣ, сударыня, на чемъ вы при такихъ обстоятельствахъ основываете свою любовь? Вашъ милостивой родитель! благодѣтельной человѣкъ, что съ нимъ сдѣлается? Когда онъ увидитъ

всю радость своей жизни, уничтоженную нечаянною и поносною любовїю? Не будетъ ли ему сїя печаль смертельна? Можете ли вы поступить такъ немилосердо? или могу ли я сдѣлаться такимъ злодѣемъ, чтобъ учинилъ преступленїе предъ тѣмъ мужемъ, котораго пепелъ съ благодарнѣйшимъ чувствїемъ долженъ лобызать? Ваша фамилїя — Какое сдѣлаете вы ей поношенїе? — Положимъ хотя бы вы не послушали всѣхъ сихъ неоспоримыхъ причинъ, и я бы захотѣлъ слѣдовать вашимъ желанїямъ; скажите мнѣ, чтобы изъ насъ было? Мыбъ должны были тайно уйти какъ отверженныя, будучи гонимы ужаснѣйшимъ, но справедливымъ проклятїемъ вашего родителя! кудажъ бѣжать? Можемъ ли мы укрыться отъ Божїяго правосудїя?

судія? Вездѣ, куда мы не обратимся, наказаніе Божіе насъ постигнетъ, и такъ мы созиждимъ градъ нещастія, котораго будемъ бѣдныя жители. Еще прошу васъ, сударыня, послѣдуйте разуму, и преодолѣйте поносную вамъ любовь. Будьте довольны неограниченнымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ и дружбою, въ чемъ сердце мое будетъ вамъ порукою. — —

Развѣ ты думаешь, Риттеръ, отвѣчала смущенно Каролина, что я сего себѣ не представляла? Ты весьма въ томъ заблуждаешся! все сіе и еще больше представляла я своему сердцу, и будь увѣренъ, что все, что ты не говорилъ почитаю я за справедливое, и чувствую, что должность моя требуетъ оному повиноваться. Но сіе сердце, сего никакихъ законовъ не пріемлющаго тиранна, къ

тому

тому принудить не возможно! тщетно, Риттеръ! стараюсь преодолѣть мое сердце, я не имѣю бодрости оное побѣдить. Силы мои ослабѣли, я чувствую невозможность, болѣе сопротивляться. Однакожъ ты обманываешся Риттеръ, когда думаешь, что любовь моя къ тебѣ основывается на порочномъ удовлетворенiи. Я бы прокляла себя и тебя, естьли бы я была способна къ сему преступленiю противному честности. Я клянусь именемъ священной сей добродѣтели, что любовь моя къ тебѣ чиста, и нѣтъ причины оной стыдиться, — но ты нечувствительной! ты мнѣ совсѣмъ отказываешь! естьли ты не согласишся на первое мое желанiе: то я избираю послѣднее. Возьми кинжалъ, вскрой мою грудь, вынь сердце и загладь наономъ

имя любви и Риттера — Послѣдній взоръ мой окажетъ тебѣ за то мою благодарность — Послѣднія сіи слова говорила она съ горячностію. Умѣрьте свой жаръ, сударыня, отвѣчалъ Риттеръ, прервемъ сей разговоръ, которой очень долго въ разсужденіи вашего спокойствія и моего благополучія продолжался. Успокойтесь, и оставте уязвленное ваше сердце исцѣляющему все времени — Перестаньте любить недостойнаго, котораго вы естьли удостоите своею милостію; то уже онъ болѣе будетъ награжденъ, нежели чего стоитъ. Риттеръ проговоря сіе, и поклонясь ниско, ушелъ.

Каролина видя его уходящаго, впала почти въ бѣшенство и отчаяніе. Она осыпала его ругательствами, и укоряла его неблаго-

благодарностію — По малу послѣдовали слезы, сердце ея начало облегчаться, сильныя движенія миновались, разумъ ея опять возвратился, и она прибѣгла къ разсужденію. Она удивлялась Риттеровой добродѣтели, и разсуждала о всѣхъ его представленіяхъ; она находила оные разумными и отъ самой добродѣтели происходящими; она извиняла его поступокъ, и не взирая на сіе продолжала его страстно любить.

Риттеръ какъ скоро ушелъ изъ горницы Каролины: то пошелъ въ свою, зная что молодаго Фонъ О. . . не было дома. Онъ долго не могъ притти въ себя отъ смущенія и изумленія, причиненнаго ему открытіемъ Каролины. И нѣсколько оправившись, предался жалобамъ на нещастіе всюду его преслѣдующее. Слабость пола при-

принудила проливать множество слезЪ. ОнЪ не старался оныя унять, и сидѣлЪ задумавшись, какЪ вдругЪ дверь отворилась, и ФонЪ О. . . вошелЪ вЪ оныя. СЪ удивленїемЪ остановился онЪ у дверей и смотрѣлЪ на Риттера. Боже мой! любезной РиттерЪ! Что вамЪ сдѣлалось? Вы плачете! Глаза ваши опухли отЪ слезЪ! что сЪ вами сдѣлалось? Скажите мнѣ сей часЪ причину сего толь чуднаго приключенїя? АхЪ! ФонЪ О. . . за чемЪ вы теперь сюда пришли? Но вы ужь здѣсь, и видѣли знаки моей слабости; но сдѣлайте дружбу, не спрашивайте причины оныхЪ, они конечно не отЪ слабости женской происходятЪ. — Но РиттерЪ, что васЪ принуждаетЪ отЪ меня таиться? не щитаюсь ли я вашимЪ прїятелемЪ, наилучшимЪ вашимЪ дру-

другомъ? Подлинно Риттеръ! повѣрьте мнѣ, я къ вамъ такую сильную чувствую дружбу, что хотябъ были вы и женщина, и тронули бы мое сердце: то бы я, какъ думаю, болѣе не могъ бы полюбить, а вы хотите скрывать отъ меня ваше сердце, и тѣмъ отнимаете у меня средства помочь дружескимъ моимъ утѣшенїемъ вашей печали? Между тѣмъ Риттеръ имѣлъ время одуматься. И такъ знайте наилучшїй мой прїятель, отвѣчалъ онъ, что я въ прежднїя дни моей жизни долженъ былъ воздыхать подъ бременемъ великихъ нещастїй. Я родился богатымъ и отмѣнно былъ воспитанъ; первые годы моей юности протекли въ безпрестанныхъ забавахъ, но нечаянно воспослѣдовала ужасная перемѣна. Нещастїя слѣдовавшїя

за нещастїями ввергли честнаго моего родителя въ бѣдность и смерть прекратила его жизнь. Я отъ всѣхъ, выключая Бога, отъ всѣхъ былъ оставленъ; но и сему угодно было оставить меня долгое время воздыхать въ бѣдности. Я испыталъ въ оное время многїя роды нещастїй, пока не пришелъ къ благодѣтельному вашему родителю. Въ сїе время будучи здѣсь одинъ, разсуждалъ я о всѣхъ сихъ печальныхъ приключенїяхъ, и воспоминовенїе оныхъ принудило меня противъ воли пролить нѣсколько слезъ. Фонъ О. . . . слушалъ сїе со вниманїемъ, и сколько не былъ крѣпокъ, однакожъ сїе объявленїе и видъ, съ каковымъ Риттеръ оное говорилъ, принудили его пролить нѣсколько слезъ сожаленїя. Онъ употреблялъ всякїя ласки, чтобы успо-

успокоить Риттера; и чтобы совсѣмъ разогнать его печаль, принудилъ его итти съ собою въ гости, гдѣ было много хорошихъ людей, и которыя имъ были очень ради. Оттуда они ужъ поздо пришли домой, легли спать. Фонъ О. . . не имѣя никакой заботы и печали, скоро заснулъ; но Риттеръ не былъ столько щастливъ. Онъ не могъ сомкнуть глазъ, ему все представлялось случившееся днемъ; онъ не зналъ на что ему должно было рѣшиться; съ одной стороны сожалѣлъ онъ о бѣдной Каролинѣ, а съ другой опасался, естьли отецъ ея узнаетъ о сей страсти. Онъ было хотѣлъ дѣвицѣ Фонъ О. . . открыть свой полъ; но разсудя о слѣдствіяхъ, отъ того произойти могущихъ, не могъ на оное рѣшиться. Фонъ О. . ., думалъ

малЪ онЪ, мнѣ великой другЪ, и онЪ, какЪ самЪ признавался имѣетЪ ко мнѣ великую нѣжность, естьлиже сестра его откроетЪ ему мою тайну; то не превратится ли его дружба вЪ сильную любовь? НаконецЪ избралЪ онЪ средство освободиться отЪ сей опасности: онЪ расположился оставить сей домЪ и искать безопасности вЪ отдаленномЪ какомЪ мѣстѣ. ПринявЪ сїе намѣренїе заснулЪ. По утру проснувшись подтверждалЪ оное, и вознамѣрился вскорѣ произвести оное вЪ дѣйство. Я скину, разсуждалЪ онЪ, сїе ненавистное для меня платье, долженствующее защищать меня отЪ опасности, но оно учинило только нещастною одну невинную. Я его скину, и надѣну опять приличное моему полу, я буду питаться своими трудами. Когда

я

я продамъ дорогїя свои каменья и часы, то полученная за нихъ сумма вмѣстѣ и съ теперешними моими деньгами, можетъ простираться до 8000 талеровъ. Сими деньгами и моею работою, могу имѣть хорошее содержанїе. Онъ вознамѣрился въ одномъ письмѣ къ Генералу, а въ другомъ къ его сыну, извинить свой отъѣздъ, не объявляя истинной тому причины. Онъ дѣйствителъно началъ писать оныя письма, однако не безъ печали и не безъ слезъ. И какъ онъ писалъ только тогда, когда Фонъ. О. . . не было дома: то едва могъ въ четыре дни оные кончить. Въ сїе время ничего онъ не говорилъ съ Каролиною, однакожъ не могъ избѣжать, чтобы ее не видѣть. Блѣдное ея лице и задумчивой видъ причиняли ему великую печаль и страхъ; онъ

онЪ примѣтилЪ, что сердце ее не можетЪ снести, чтобЪ его не видѣть. ВЪ четвертой день, вЪ вечеру кончилЪ онЪ наконецЪ свои письма и запечаталЪ. ОнЪ принялЪ намѣренїе положить оныя вЪ своей горницѣ, и чтобЪ все свое забравЪ вЪ слѣдующее утро оставить сей домЪ. ОнЪ думалЪ итти до ближайшей деревни пешкомЪ, гдѣ и взявЪ лошадей хотѣлЪ ѣхать до ближайшаго города, а оттуда перемѣня имя ѣхать на почтѣ далѣе. ОнЪ все сїе расположивЪ, началЪ снова колебаться печальными мыслями. Каролина его мучила, онЪ также представлялЪ сожалѣнїе ФонЪ О. . . . ., когда сей узнаетЪ, что лишился своего Риттера, и онЪ еще разсуждалЪ о семЪ, какЪ вдругЪ отворилась дверь и ФонЪ О. . . . показался сЪ радостнымЪ

ви-

видомЪ. Сказать ли вамЪ новость, любезной РиттерЪ? А что такое? Спросилъ РиттерЪ — Война уже началась, и мы должны итти вЪ походЪ. За два часа передЪ симЪ, батюшка мой получилЪ ордерЪ приуготовлять все кЪ выступу, чтобЪ по первому приказу тронуться. Я думаю, любезной РиттерЪ, вы мнѣ послѣдуете? О! конечно, вы не покините своего друга. Мой экипажЪ уже готовЪ, а завтре я постараюсь и о вашемЪ. — ВЪ другое время сія вѣсть была бы Риттеру не очень пріятна, ибо онЪ зналЪ, что ему нѣчего было дѣлать вЪ полѣ; но вЪ сихЪ обстоятельствахЪ конечно была оная ему весьма радостна, ибо чрезЪ сіе былЪ лучшій способЪ разлучиться сЪ Каролиною. РиттерЪ отЪ радости всталЪ со стула, и отвѣчалЪ ФонЪ О. . . сЪ

видомъ удовольствїе показывающимъ: конечно, любезнѣйшїй другъ! я вамъ послѣдую, мы жили вмѣстѣ во время мира, то и война не должна насъ разлучать.

Риттеръ, какъ скоро его Фонъ О... оставилъ, тотчасъ написанные свои письма сжогъ. Потомъ онъ легъ спать и спокойно заснулъ. Въ слѣдующїй день поутру въ десятомъ часу позвали его къ Генералу. Другъ мой! говорилъ онъ ему, намъ должно маршировать, война зоветъ насъ въ поле, но ты не будешь принимать участїя въ ея трудностяхъ. Я тебя оставляю здѣсь смотрѣть за моимъ домомъ, тутъ ты мнѣ полезнѣе будешь, нежели въ лагерѣ. Риттеръ не безъ ужаса слушалъ сїе извѣстїе. Когда вы, Ваше Превосходительство, мнѣ оное приказываете: то я вамъ

по-

повинуюсь, отвѣчалъ онъ, но ежелибы мнѣ было позволено, естьлибы я столько былъ смѣлъ, чтобы могъ сдѣлать нѣкоторое возраженїе — Хорошо Риттеръ, говори, ты знаешь, что я тебя охотно слушаю: онъ представлялъ ему свое желанїе видѣть сраженїе, а потомъ дружбу свою къ молодому Фонъ О. . . ., и покорнѣйше его просилъ взять его съ собою, Что касается до перваго, другъ мой! отвѣчалъ Генералъ, то я не совѣтую тебѣ онаго желать, ибо война имѣетъ много ужаснаго. А дружба твоя къ моему сыну чрезъ сїе ничего непотеряетъ, онъ тебя опять съ радостїю увидитъ, и его ласки будутъ нѣжнѣе по нѣкоторой разлукѣ. — Риттеръ не смѣя ему въ другой разъ противорѣчить, ниско поклонясь, вышелъ вонъ.

Онъ нашелъ Фонъ О. . . въ своей горницѣ, въ которую онъ взошелъ съ печальнымъ видомъ, я прямо нещастливъ, любезнѣйшій другъ Фонъ О. . . ., вскричалъ онъ, мы разлучаемся, я не могу за вами слѣдовать въ поле — Какъ, Риттеръ, кто это тебѣ сказалъ? Вашъ батюшка — самъ ли онъ тебѣ объ этомъ говорилъ? — Отъ него самаго получилъ я сіе повелѣніе, и не имѣлъ смѣлости въ другой разъ ему противорѣчить, получа на первую прозьбу отказъ. По нѣкоторомъ размышленіи, сказалъ ему Фонъ О. . ., успокойся, любезной мой другъ! я попрошу моего батюшку; а естьли онъ меня не послушается, то сестра моя постарается, и ты конечно здѣсь не останешся. Риттеръ не надѣясь, чтобъ сестра его за него старалась, сказалъ Фонъ О. . . не-

. . . не полагайтесь на вашу сестрицу, она конечно не захочетъ остаться одна. Вашего батюшку и васъ не можетъ она удержать: то какъ вы можете думать, чтобъ она здѣсь въ большемъ домѣ осталась одна? Не заботься Риттеръ! сказалъ Фонъ О. . . ., сего же дня будешь ты увѣренъ, что не останешся здѣсь, я тебѣ не солгу, и батюшка мой, конечно въ томъ мнѣ не откажетъ. Симъ обѣщанїемъ Риттеръ нѣсколько успокоился, а Фонъ О. . . пошелъ исполнять оное.

Каролина также узнала о походѣ. Она печалилась, что лишится присудствїя своего отца и брата; но нѣсколько утѣшалась, когда услышала отъ перваго, что Риттеръ остается дома: однако она была добродѣтельна, и сїе извѣстїе почитала за удоб-

ной случай удовлетворить свои желанія, въ разсужденіи Риттера, но была только тѣмъ довольна, что онъ будетъ недалеко отъ нее, что можетъ пользоваться его сотовариществомъ, и наслаждаться его лицезрѣніемъ. А сей между тѣмъ не безъ страху ожидалъ своего друга, которой наконецъ съ веселымъ видомъ взошелъ въ горницу. Радуйся, Риттеръ! все хорошо, я скоро уговорилъ батюшку, онъ самъ пошелъ отдать приказъ, приготовить для тебя экипажъ. Риттеръ съ радостію получилъ сіе извѣстіе, и только дожидались послѣдняго ордера къ походу. Наконецъ оной пришелъ, въ которомъ содержалось, чтобъ Генералъ чрезъ 28 часовъ по полученіи онаго отправился, и чтобъ въ назначенномъ чрезъ ордеръ мѣ-

мѣстѣ соединился съ прочими полками. Бѣдная и сожалѣнія достойная Каролина! что чувствовало твое сердце, когда узнала, что при семъ должна была лишиться своего любовника! съ той минуты глаза ея были непрестанно въ слезахъ, хотя она и показывала, что плакала о своемъ родителѣ и братѣ, однакожъ Риттеръ принималъ большее въ томъ участіе. Она старалась найти случай съ нимъ переговорить на единѣ, но не достигло сего желанія ея сердце. Риттеръ былъ весьма хитръ, онъ столькожъ старался убѣгать сего разговора, сколько она того желала. Она видя, что въ томъ не успѣваетъ, вознамѣрилась къ нему написать, и чтобъ оное письмо не попалось кому нибудь въ чужіе руки: то она ему оное отдала сама въ

горницѣ своего родителя, такъ, что никто того не примѣтилъ. Сїе письмо, и вмѣстѣ съ отписаннымъ отвѣтомъ, Луиза давала мнѣ читать, и я вознамѣрился положить оное здѣсь слово отъ слова.

„И такъ ты хочешь меня „оставить? Риттеръ! меня, „которой дружбу, исключая люб- „ви, ты знаешь, меня хочешь ты „оставить? Не сказавъ ни одного „слова въ облегченїе моей скорби? „Не довольно ли Риттеръ, что „ты показалъ явные знаки, что „меня не любишь, долженъ ли „еще веселой твой видъ доказы- „вать мнѣ, что ты радуешся, „оставляя сожаленїя достойную „нещастную? Не ужели ты въ „самомъ дѣлѣ столько жестоко- „сердъ, что не сжалишся надъ „страданїемъ, которое ты самъ

при-

„ причинилъ, и которое бы безъ
„ васъ не произошло? Хорошо!
„ оставь меня! ты нечувствите-
„ ленъ! будь же увѣренъ, что
„ въ скорости услышишь печаль-
„ ную вѣсть, что нещастная
„ Каролина Фонъ О. . . умерла съ
„ печали и тоски, лишившись
„ покоя однимъ нечувствитель-
„ нымъ; торжествуй! о Риттеръ!
„ приди и посмотри лїющїяся мои
„ слезы, можетъ быть, ты смяг-
„ чишся, и утѣшишь сїе угнѣ-
„ тенное сердце сожалитель-
„ нымъ взоромъ — Но ты нейдешь,
„ и тщетно тебя умолять! воз-
„ можно ли, чтобы природа, то-
„ лико украсившая твое тѣло, и
„ душу твою одарившая великими
„ способностями и изрядствами,
„ могла вложить каменное сердце?
„ Такъ! конечно, ты доказыва-
„ ешь мнѣ справедливость и воз-

,, можность онаго — — но нѣтъ! ,, сердце твое способно къ дружеству, сїе доказываетъ нѣжность ,, твоя къ моему брату, и я ,, всегда думала, что нѣжное ,, дружество и любовь мало различаются, такъ — Но о Небо! ,, какая ужасная мысль начинаетъ ,, обременять мою душу! — о ,, Боже! естьли она справедлива ,, — естьли ты, Риттеръ! полюбилъ уже другую — — когда — ,, — перо падаетъ изъ дрожащихъ ,, моихъ рукъ, и я не могу хорошо изъяснить печальныхъ моихъ мыслей — Но пускай сїе ,, справедливо: то для чегожъ ты ,, любезной другъ, прежде ничего ,, объ этомъ не сказалъ? Однакожъ, я сама не смѣла о томъ ,, спросить. Но я могу по крайней мѣрѣ желать, чтобы вы ,, мнѣ о семъ объявили. Умертвитъ!

„ твитъ! конечно умертвитъ меня „ сїе ужасное извѣстїе, но что „ въ томъ нужды? Пусть умретъ „ нещастная, для которой про„ долженїе жизни большимъ бу„ детъ мученїемъ. Не откажи „ мнѣ въ семъ, дражайшїй мой „ Риттеръ! отвѣчай мнѣ на сїе, „ и когда прямо ты чувствите„ ленъ, то скажи, что ты со„ жалѣешь о моемъ нещастнѣй„ шемъ состоянїи — можетъ „ быть, сего дня я васъ въ по„ слѣднїй разъ увижу! въ послѣ„ днїй разъ? Конечно, я чувствую, „ что сїи въ слезахъ погружен„ ные глаза, никогда впередъ не „ будутъ требовать сего утѣше„ нїя — Прости Риттеръ! прости „ навѣки любезной другъ! цар„ ствующїй въ моей душѣ, и ко„ тораго пораженное мое сердце „ обожаетъ! и когда меня болѣе

„ не

„ не будетъ, когда нещастные „ сїи глаза смертїю закроются, „ когда сїе тобою наполненное „ сердце болѣе не будетъ биться, „ и уже не станетъ болѣе нещаст- „ ной Каролины Фонъ О. . . . — „ тогда по крайней мѣрѣ портретъ „ ея, которой вы при семъ пись- „ мѣ получили, можетъ произве- „ сти въ васъ нѣкоторое сожалѣ- „ нїе и воспоминовенїе о неща- „ стной дѣвицѣ, которая изъ лю- „ бви къ тебѣ умерла. —

Риттеръ при чтенїи онаго письма проливалъ ручьи слезъ изъ сожалѣнїя о нещастномъ состоянїи сей почтенїя достойной дѣвицы, и нѣсколько успокоясь взялъ перо и написалъ слѣдующее:

„ Разрываетъ на части, разры- „ ваетъ письмо ваше сердце того „ нещастнаго, къ которому оно „ было писано. Уже два мѣсяца,

„ мило-

„ милостивая государыня, сердце
„ мое угнѣтается великою печа-
„ лїю о вашемъ состоянїи. О!
„ сожалѣнїя достойная! естьлибъ
„ вы могли увидѣть страданїе
„ бѣднаго Риттера, вы бы коне-
„ чно не называли его нечувстви-
„ тельнымъ и жестокосердымъ.
„ Онъ вамъ другъ, въ высочай-
„ шемъ степени другъ; но — вѣ-
„ дайте печальное, однако къ из-
„ лѣченїю вашему нуждное извѣ-
„ стїе — оно состоитъ въ томъ,
„ что Риттеръ любитъ, сожа-
„ лѣйте о немъ, онъ любитъ, мо-
„ жетъ быть, столькоже нещастно,
„ какъ и вы. Прежде въ благо-
„ получные дни любовь его была
„ щастлива; но завистная судьба
„ прервала союзъ сей нѣжнѣйшей
„ любви. Предметъ оной любви
„ еще живъ, какъ я надѣюсь; но
„ гдѣ онъ, того не знаю, а

„ толь-

„ только знаю то, что сіе сердце
„ будетъ его любить вѣчно. —
„ Не говорите дражайшая пріятельница о смерти, вы должны жить и быть щастливы! вы приказывали мнѣ, чтобъ я вамъ сказалъ, что ваше состояніе приводитъ ли меня въ сожалѣніе; то знайте, что я оное оплакиваю. Конечно, сударыня, Риттеръ до тѣхъ поръ будетъ нещастливъ, пока и дѣвица Фонъ О. . . будетъ нещастна. Побѣдите, дражайшая и обожаемая мною пріятельница, любовь никакой надежды не имѣющую, которая сокращаетъ вашу жизнь и прекрасныя лѣта молодости, которые вы должны посвятить забавамъ. Сдѣлайте сіе для почтеннаго вашего родителя, для себя и для Риттера, просящаго васъ о семъ со слезами. —

Какъ

Какъ скоро Риттеръ окончилъ, и сложилъ сїе письмо, то понесъ его самъ въ горницу Каролины. Онъ засталъ ее сидящую подлѣ стола, и облакотившуюся одною рукою на оной. Какъ скоро она его увидѣла, то встала и пошла къ нему на встрѣчу. Онъ отдалъ ей письмо съ сожалительнымъ видомъ, и взявъ одну ея руку поцѣловалъ, и омочивъ ее своими слезами, ушелъ изъ горницы. Каролина оставшись одна, удивлялась такому поступку того, отъ котораго она не надѣялась никакого сожалѣнїя. Она смотрѣла на свою руку. Слезы — говорила она; слезы плачущаго Риттера — поцѣловала оныя — долго держала она въ дрожащихъ рукахъ полученную бумагу, прежде нежели рѣшилась оную прочесть. Наконецъ она начала читать. Она имѣла

имѣла столько бодрости, что дочитала оное до конца; потомъ бросилась на стулъ совсѣмъ почти безъ чувства, и прошло нѣсколько минутъ прежде, нежели облегчила она свое сердце слезами.

Мы оставимъ, дражайшая моя пріятельница, на нѣсколько времени сію въ печали погруженную дѣвицу. Уже бьютъ въ барабаны и сказанъ походъ, мы должны послѣдовать Риттеру въ поле, дабы не отстать отъ предмета нашей повѣсти.

Всѣ изготовившись къ походу, разпрощавшись съ своими, и сѣвши по своимъ мѣстамъ, отправились. Риттеръ не отставая никогда отъ Генеральскаго экипажа, и рѣдко бывая верьхомъ съ молодымъ Фонъ О. . ., не чувствовалъ никакой трудности похода, и ѣхалъ весьма спокойно. Но какъ

ему

ему наскучило быть одному, ибо онъ днемъ почти не видывалъ своего прїятеля: то просилъ Генерала, чтобы дали ему какую нибудь лошадь, дабы могъ быть съ нимъ вмѣстѣ, что отъ него и получилъ. Потомъ чрезъ три дни соединились они съ другими многими полками, и собравшись все многочисленное войско, тронулось и пошли на непрїятеля.

Я не буду вамъ описывать разные схватки съ обоихъ сторонъ, выключая тѣхъ, которые имѣли участїе въ судьбѣ нашей Луизы, и такъ я ничего не буду писать, о побѣдахъ, завоеванїяхъ, и прочемъ; только о двухъ такихъ случаяхъ долженъ упомянуть, которые неразрывно соединены съ сею повѣстїю.

По тридневномъ маршѣ всей армїи, увидѣли въ виду непрїя-

тельской лагерь. Не далеко отъ онаго поставили великой корпусъ, чтобы занять для армїи весьма выгодное мѣсто. Командующїй армїею Генералъ, видѣлъ себя принужденнымъ, укрѣпить оной корпусъ, и дать ему довольное число съѣстныхъ припасовъ. Туда отбирали изъ многихъ полковъ; и молодому Фонъ О. . . также въономъ быть досталось. Онъ оставлялъ Риттеру на волю, или послѣдовать ему, или остаться съ его отцомъ; но сей зная, что Фонъ О. . . будетъ радъ, естьли онъ ему послѣдуетъ, съ нимъ поѣхалъ. Какъ осторожно ни старались скрывать оной отводъ, однако непрїятель объ ономъ узналъ, и вознамѣрился на него напасть. Чрезъ два часа увидѣли они себя великимъ числомъ непрїятелей окруженныхъ; и какъ

храбро

храбро ни оборонялись: однакожъ прежде нежели пришли къ нимъ на помощь, были побѣждены. Непрїятель не имѣя никакой надежды забрать съ собою завоеванную свою добычу, ибо противная армїя была въ близи, то все сжогъ, а самъ скоро съ плѣнными ускакалъ назадъ. Фонъ О. . . получилъ двѣ жестокїе раны; и вмѣстѣ съ Риттеромъ попался въ плѣнъ къ непрїятелю, и по нѣсколькихъ часахъ были они привезены въ непрїятельской станъ. Командующїй Генералъ получивъ реэстръ плѣненнымъ Офицерамъ, и увидя между оными имя Фонъ О. . . . ., котораго онъ зналъ. Прежде приказалъ онъ его къ себѣ привести, но какъ ему сказали, что онъ опасно раненъ: то послалъ онъ къ нему съ оказанїемъ своего сожалѣнїя перва-

го своего врача, которому приказалъ, какъ возможно стараться о молодомъ семъ Офицерѣ. Сей Генералъ, славный болѣе своимъ человѣколюбїемъ и великодушїемъ, нежели побѣдами, на другой день самъ его посѣтилъ. Какъ скоро Фонъ О. . . былъ внѣ опасности: то отвезли его въ одинъ городъ, лежащїй въ непрїятельской провинцїи, гдѣ онъ до тѣхъ поръ долженъ былъ пробыть, пока не воспослѣдуетъ обмѣнъ. Риттеръ слѣдовалъ тудажъ, увѣдомивъ напередъ о семъ Генерала, отъ котораго получилъ вексель на не малую сумму. Они нашли въ томъ городѣ уже довольное число офицеровъ, имѣвшихъ равную участь попасться въ полонъ. И какъ у молодаго Фонъ О. . . съ Риттеромъ не было недостатка въ деньгахъ: то имъ было очень

ве-

весело ; Фонъ О. . . скоро совершенно отъ ранъ своихъ исцѣлился. Они оба жили въ домѣ одного весьма богатаго купца, и какъ сей былъ весьма дружелюбной человѣкъ и имѣлъ весьма изрядную жену, то Фонъ О. . . ходилъ къ нему охотно, и проводилъ съ нимъ время, при чемъ также и Риттеръ всегда бывалъ. Онъ скоро примѣтилъ, что его другъ ищетъ въ хозяйкѣ, онъ почелъ за должность свою въ семъ случаѣ дать ему разумныя наставленія. Но какъ Фонъ О. . . могъ промѣнять любовь на разумные совѣты, будучи столь молодой и горячей офицеръ? Онъ продолжалъ свои въ томъ старанія, но Риттеръ примѣтилъ къ великому удовольствію, что хозяйка къ нему не склоняется, онъ радовался, что нашелъ женщину,

которая при нападеніи толь любви достойнаго, прекраснаго и учтиваго молодаго человѣка осталась постоянною, онъ ее почиталъ прямо добродѣтельною, однако въ томъ весьма обманулся. По прошествіи четырехъ дней, не могъ онъ болѣе сумнѣваться, что сія добродѣтельная женщина для того только отвергала любовь Фонъ О...., чтобы обратить оную къ самому ему. Онъ при семъ сперва ужаснулся, потомъ оное причиняло ему великую досаду, и онъ отвѣчалъ ей всегда на сіе весьма холодно. Любовь всегда примѣчательна, прозорлива и недовѣрчива, Фонъ О... скоро примѣтилъ происходящее, и въ первой тогда разъ почувствовалъ негодованіе къ любезному своему Риттеру, съ его добродѣтелями соединялось чистосердечіе. Онъ не

могЪ отЪ Риттера скрыть своей досады, и вЪ одинЪ вечерЪ, когда они оба отЪ хозяина пришли вЪ свою горницу, началЪ ему говорить: неправдали РиттерЪ! сказалЪ ему улыбаясь, что вы великой моралистЪ? Вы доказываете то дѣлами, что говорите на словахЪ. Что такое, отвѣчалЪ сей, принудило васЪ кЪ сему толь чудному поступку? Чудной вашЪ поступокЪ противЪ меня, говорилЪ ФонЪ О. . . ., вы думаете меня обмануть, а я думаю, что вы вЪ томЪ несправедливы, и я отЪ васЪ того не ожидалЪ. Вы меня симЪ обижаете ФонЪ О. . ., отвѣчалЪ РиттерЪ; естьли вы намѣрены меня упрекать: то лучше бы сдѣлали, естьли бы объявили прямо, вЪ чемЪ я васЪ обманываю. — ВЪ томЪ РиттерЪ, что вы мнѣ давали наставленія

вразсужденіи любви къ нашей хозяйкѣ, и что вы ее сами любите, и отъ нее также любимы. Риттеръ при сихъ словахъ не могъ удержаться отъ смѣху. Когда вы другимъ не можете меня упрекнуть: то я скоро всю тѣнь могу отъ васъ прогнать. Это и мнѣ также какъ и вамъ извѣстно, что она бросаетъ на меня свои глаза; но знайте, что я ее любовь презираю, и ею гнушаюсь. Естьлибъ вы примѣчали мои противъ ее поступки, то бы конечно друга своего не стали укорять обманомъ. Фонъ О. . . увѣрившись симъ совершенно, обнялъ Риттера и просилъ у него прощенія въ томъ, что его обидѣлъ. Но, Риттеръ продолжалъ, любезнѣйшій мой Фонъ О. . . . еще васъ прошу, бросте сію ни къ чему годную любовь.

Поло-

Положимъ, что вы достигнете порочнаго своего намѣренія, подумайте, что вы чрезъ то сдѣлаете: вы развратите тѣмъ жену честнаго человѣка, и опровергнете спокойствіе и миръ всего дома. Вы можетъ быть еще въ первой разъ сію женщину совращаете съ пути добродѣтели, чести и спокойствія; да и васъ самихъ за сіе совѣсть будетъ угрызать; и минутнымъ наслажденіемъ замараете свое имя. Однакожъ онъ видѣлъ, что Фонъ О. . . . не переставалъ искать въ прекрасной своей хозяйкѣ, а сія не переставала подавать Риттеру знаки горячей своей любви. Риттеръ дабы избѣжать большаго преступленія, подавалъ иногда въ присудствіи Фонъ О. . . благосклонные знаки, чтобъ оживлять ея надежду. Чрезъ сіе онъ сдѣ-

лалъ то, что всѣ старанія Фонъ О. . . были тщетны, и честной мужъ покрайней мѣрѣ тогда не носилъ роговъ отъ своей жены. Они почти полгода были въ плѣну. Армія пошла на зимнія квартиры, и начали обмѣниваться плѣнными. Мы теперь оставимъ сіи пріуготовленія, а возвратимся на время въ А. . . . въ домъ господина Б. . . и дражайшей его супруги.

Прежде я вамъ объявилъ хорошія домашнія учрежденія сей достойной четы, а теперь увѣдомлю васъ о слѣдствіяхъ отъ того произшедшихъ. Чрезвычайнымъ Бенстоны расточеніемъ, употребляемымъ на щегольство, и великими деньгами, которыми она обманывала своего мужа, и прятала оные для своей безопасности, также и многими издер-

жками

жками самаго его, скоро ослабло неисчетное его богатство. Онъ ни мало не старался избѣжать своего паденія, но еще болѣе оное умножалъ. Слуги находящіися въ его домѣ, видя, что распустная сія жизнь не можетъ имѣть хорошихъ слѣдствій, всякой старался набивать свой карманъ. Съ сего времени лишился кредиту сей преждебывшій богатой домъ, и сколь сіе не было явно: однакожъ Б. . . того не примѣтилъ. Бенстонъ не была такъ слѣпа, она приняла хитрую предосторожность, чтобъ избѣжать всѣхъ могущихъ случиться нещастій. Она опять приняла къ себѣ вѣрнаго своего Арнольда, и сей негодной мошенникъ помогалъ ей красть великіе суммы у Б. . ., и оныя по прозьбѣ ея содержалъ въ безопасности. Въ сіе время Б. . . полу-

лучилъ послѣдній ударъ, отъ котораго все его щастіе пропало. Одинъ знатной домъ изъ сосѣдственныхъ приморскихъ городовъ пробанкрутился, при которомъ Б. . . . лишился великаго числа денегъ. Сей случай принудилъ его въ первой разъ открыть глаза. Онъ разсматривалъ свои дѣла, и нашелъ оные совсѣмъ пропавшими. Когда великіе и благородные мужи при великихъ нещастіяхъ колеблются: то чтожъ долженъ былъ дѣлать ниской разслабленной сластолюбецъ, Каковъ былъ Б. . . .? онъ принялъ свое убѣжище къ утѣшеніямъ Бенстоны; онъ плакалъ, рыдалъ, кричалъ и безпрестанно повторялъ: что я начну дѣлать? Бенстонъ, сожалѣя сама о семъ случаѣ, старалась его утѣшить, и говорила ему, что она не знаетъ другаго средства

ства къ спасенію, кромѣ бѣгства, а то онъ совсѣмъ пропадетъ. Онъ послѣдовалъ ея совѣту, и собравъ въ скорости нѣсколько дорогихъ вещей и денегъ, скоро сдѣлался внѣ опасности. Какъ скоро Бенстонъ узнала чрезъ одного шпіона, въ какомъ состояніи дѣла ея мужа: то собравъ все покраденое богатство, велѣла съ онымъ Арнольду скрыться въ безопасное мѣсто, гдѣ ему до тѣхъ поръ велѣла пробыть, пока не минется буря. Скоро потомъ забрали все оставшееся послѣ Б. . ., и какъ Бенстонъ ничего за собою приданаго не имѣла: то ничего ей и не дали, но она мало о семъ безпокоилась. До сихъ поръ она обманывала многихъ людей, а теперь ее и самую обманули. Арнольдо сдѣлался при семъ случаѣ невѣрнымъ. Хотя онъ съ собранною

сум-

сУммою и дорогими вещами, и поѣхалъ въ назначенное мѣсто, но только по нѣкоторыхъ дняхъ своего туда прибытїя, написалъ письмо къ Бенстонѣ, въ которомъ объявилъ ей слѣдующее: что онъ служилъ ей многїе годы вѣрно, и во многихъ злодѣйскихъ дѣлахъ подвергалъ жизнь свою опасности. Она никогда не дѣлала по за слугамъ его достойнаго награжденїя, но теперь оное онъ самъ хочетъ взять. Порученные ему вещи и деньги крадены, и она въ нихъ не имѣетъ никакого права, и такъ оные онъ одинъ возметъ. А естьли она захочетъ на него просить: то онъ откроетъ всѣ ея злодѣянїя, и самъ съ нею готовъ на висилицу — — Бенстонъ весьма ужаснулась при чтенїи сего письма; она знала, что такого человѣка, каковъ

ковЪ Арнольдо, ни прозьбою, ни проклинанїемЪ и ни чѣмЪ не можно устрашить, писала кЪ нему убѣдительное письмо, и умоляла его, чтобЪ онЪ ей далЪ хотя нѣсколько тысячь на содержанїе, а прочее все ему уступаетЪ. Однако Арнольда ничто не могло тронуть, онЪ столько былЪ жестокосердЪ, что отписалЪ ей вЪ отвѣтЪ: что не дастЪ ей ни одной полушки, и что ему будетЪ весьма прїятна та вѣсть, естьли услышитЪ, что она умерла сЪ голоду вЪ бѣдности. ТакимЪ образомЪ сїя бѣдная была совсѣмЪ оставлена. Внутри чувствовала она великое угрызенїе совѣсти, а снаружи устрашало ее ужасное воззрѣнїе на будущее. — Какое ужасное состоянїе! цвѣтЪ ея красоты уже изчезЪ, прїятной ароматЪ, которой прежде великое

число обожателей привлекалъ, болѣе уже никого не приманивалъ. Всего ея имѣнія осталось почти на сто талеровъ, какая малая сумма для Бенстоны, которая прежде ворочала тысячами. Хитрые ея выдумки, къ которымъ часто она имѣла свое прибѣжище, ей уже тогда не помогали. Она отъ всѣхъ была ненавидима, а большее ея нещастіе состояло въ томъ, что она не имѣла ни одного пріятеля.

Видители, дражайшая пріятельница, какая чудная связь между сими порочными, какъ они другъ другомъ наказываются. Стараго Б. . скупость и напоминовеніе ужаснаго преступленія повергли его въ бѣшенство, и сдѣлали его самоубійцомъ — Бенстонъ наказала молодаго Б. . ., за вредную ему страсть, приведя его въ совер-

вершенное раззоренїе и погибель, а сама надѣясь на свое благоразумїе и хитрость, думала что останется въ безопасности, не воображая, что въ своей пазухѣ имѣла аспида, которой былъ еще хитрѣе и безсовѣстнѣе ее, и которой обманувъ ее, привелъ въ бѣднѣйшее состоянїе — Весьма справедливо, что Божеское правосудїе никогда не оставляетъ злодѣйства безъ наказанїя! но мы теперь сїе оставимъ, а возвратимся къ Риттеру.

Обѣ армїи начали обмѣниваться. Полоненные были выпущены и отосланы въ свои полки. Фонъ О. . . получивъ отъ своего отца хорошей обмѣнъ, отправился съ Риттеромъ въ армїю. Весьма странное было явленїе, когда влюбленная хозяйка прощалась съ Риттеромъ. Она пришла къ нему

въ вечеру на канунѣ его отъѣзда, когда Фонъ О. . не было дома, и открыла ему въ чувствительнѣйшихъ выраженіяхъ съ пролитіемъ многихъ слезъ жестокость своей любви, которая уже ему была извѣстна. Вы меня никогда не любили, говорила она, и теперь отъѣзжаете; къ первому я не могла васъ принудить; а послѣдняго не могу перемѣнить. Вы очень добродѣтельны, я должна васъ стыдиться, однакожъ я не могла побѣдить мою склонность, и буду васъ вѣчно любить. Я имѣю до васъ нѣкоторую прозьбу, не откажите мнѣ въ оной, хотя изъ сожалѣнія, ощастливте меня своимъ портретомъ — Риттеръ хотя и не былъ въ самомъ дѣлѣ нечувствителенъ, и несожалителенъ; однакожъ при семъ случаѣ не хотѣлъ такимъ казаться,

ея, онЪ отказалЪ ей вЪ ея требованiи, отговариваясь, что не имѣетЪ сЪ себя портрета. Она при сихЪ словахЪ вздохнула и жаловалась, что всѣ ея желанiя вразсужденiи его тщетны и безплодны; однакожЪ, продолжала она, когда я не могу имѣть вашего: покрайней мѣрѣ возмите мой, и помните приономЪ ту нещастную, которая для васЪ лишилась покоя. При сихЪ словахЪ подала ему портретЪ сЪ полнымЪ кошелькомЪ золота. НѣтЪ, сударыня! отвѣчалЪ РиттерЪ, мнѣ не дозволяется ни того ни другаго принять, сiе сердце уже давно плѣнилось однимЪ предметомЪ, о которомЪ одномЪ должно воспоминать. Деньги же сiи за что даете, я ихЪ ничемЪ не заслужилЪ, и есть много бѣдныхЪ и нещастныхЪ, коимЪ они будутЪ гора-

здо нужнѣе, нежели мнѣ; отдайте имъ, чрезъ сїе вы весьма хорошее дѣло учините. Только сдѣлайте дружбу, не сочтите сей отказъ знакомъ моего презрѣнїя, оной конечно не отъ того происходитъ: я вамъ другъ и останусь онымъ; но теперь я не могу долѣе имѣть удовольствїя наслаждаться вашимъ сотовариществомъ, ибо надобно исправить нѣкоторыя распоряженїя, по причинѣ завтрешняго нашего отъѣзда. Симъ кончилъ Риттеръ разговоръ, которой ему наскучилъ, и по утру отправился съ Фонъ О. . . ., и чрезъ двѣ недѣли прїѣхалъ къ старому Генералу Фонъ О. . . .; сей достойной старикъ обнялъ ихъ обоихъ съ отеческую нѣжностїю, благодарилъ Риттера за его ревность, усердїе и вѣрность къ его сыну, и обѣщался отечески

о немъ старашься. Время, въ которое по претерпѣніи кровопролитной войны были на зимнихъ квартирахъ, препровождали во всякихъ забавахъ, и Риттеръ также принималъ въ оныхъ участіе. Онъ и тутъ также подверженъ былъ гоненію прекраснаго пола, въ чемъ ему завидовали многіе молодые господа. Онъ самъ иногда принужденъ былъ тому смѣяться, а иногда оное причиняло ему досаду.

Зима уже начинала проходить, и дѣлали пріуготовленія къ походу. Армія выступила въ лагерь, и одинъ многочисленной корпусъ присоединился къ оной. Въ семъ корпусѣ былъ также и тотъ полкъ, въ которомъ П. . . будучи уже Капитаномъ, имѣлъ свою роту. П. . . въ прошедшій походъ весьма себя прославилъ, хотя онъ

и не имѣлъ намѣренія храбрыми своими дѣлами пріобрѣсти себѣ славу, но только хотѣлъ на кровопролитныхъ сраженіяхъ, при которыхъ всегда находился, умереть славно, дабы освободиться отъ жизни служащей ему бременемъ. Но онъ не нашелъ смерти тамъ, гдѣ искалъ и гдѣ ее нашли тысячу другихъ. Слава и честь сопровождали его при каждомъ дѣйствіи, и въ награжденіе за его храбрость въ послѣдній походъ получилъ роту подъ свою команду. Онъ наружно показывалъ, будто сіе возвышеніе ему пріятно, но внутренно отъ мученія, угрызающаго его сердце, ни въ чемъ не находилъ никакого утѣшенія, между тѣмъ приближалось время, чтобы сокрушающему его сердцу почувствовать нѣкоторое утѣшеніе.

КакЪ корпусЪ, вЪ которомЪ П. . . находился, кЪ армїи присоединился, то случилось, что одна маркитанша принесла товару вЪ его полатку. П. . . купилЪ нѣсколько изЪ принесеннаго, и примѣтилЪ, что та баба весьма примѣчательно, и противЪ обыкновенїя такихЪ людей, болѣе на него, нежели на деньги смотрѣла; но онЪ думая, что она удивляется его печали, ничего изЪ того не заключилЪ, и ее отпустилЪ, ничего о томЪ не спрашивая. Сїя баба была самая та служанка у Луизы, которая С. . . впустила кЪ ней вЪ спальню, и которая все, что ни происходило, за дверьми стоя примѣчала. Она отЪ С. . . получила 500 талеровЪ вЪ награжденїе за ея услугу, и чтобЪ никому о семЪ ничего не говорила. Она вышла за одного изЪ его

служителей, которому С. . . такуюж далъ сумму. Сїи оба человѣка, когда началась война, вознамѣрились принять маркитанскую должность, и слѣдовали всюду за армїею. Естьли бы въ прошедшей походъ Риттеръ былъ при войскѣ: то бы или она его узнала, или онъ прежнюю свою дѣвку; но П. . . совсѣмъ ее не зналъ, ибо онъ никогда не заботился о служанкахъ въ своемъ домѣ. Какъ скоро маркитанша отъ него вышла: то спѣшила къ своему мужу, и объявила ему сїе открытїе, она ему также разсказала все, что ни случилось, и что она своимъ преступленїемъ была причиною нещастїя П. . . и его невинной жены, отъ чего безпрестанно мучится совѣстїю, а особливо при воззрѣнїи на сего добраго и великодушнаго мужа.

Брукъ,

Брукъ, мужъ ея, былъ человѣкъ честной, и неглупой, онъ бы ее конечно не взялъ за себя, естьлибы зналъ ее преступленїе; но когда уже она стала его: то онъ старался только о томъ, чтобъ склонить ее къ тому, дабы она своимъ признанїемъ сдѣлала П... опять щастливымъ. Ему не стоило труда къ тому ея склонить, она сама предложила ему, чтобы онъ сїе открылъ П..., и ее бы призвалъ въ свидѣтели. Брукъ пошелъ къ Капитанской палаткѣ, въ намѣренїи увидѣть кого нибудь изъ его слугъ. Къ величайшей его радости попался ему старой Морицъ, котораго онъ въ А.... коротко зналъ. Онъ его подозвалъ къ себѣ, и поздаровавшись другъ съ другомъ, сказалъ ему Брукъ, что имѣетъ донести ему важное дѣло; и для сего должно имъ пойти

 куда

куда нибудь въ такое мѣсто, гдѣ бы имъ никто не помѣшалъ. Какъ П. . . . тогда не было въ палаткѣ: то Морицъ повелъ его въ оную, и узналъ отъ него съ великимъ изумленїемъ все то, что сей ни слышалъ отъ своей жены. Старой Морицъ не могъ удержаться, чтобъ при сей чудной повѣсти не пролить слезъ; и онъ еще былъ въ оныхъ погруженъ, какъ вдругъ вошелъ въ палатку П. . . . О! Государь мой! вскричалъ Морицъ, вотъ радостные вѣсти! сей человѣкъ оные принесъ. Вы уже теперь не нещастный П. . . ., а невинная Луиза Г. . . не была никогда преступницею — — — П. . . пришедши при сей рѣчи въ немалое удивленїе, спросилъ, какїя онъ слышалъ вѣсти? и узналъ отъ Брука все то, что сей ни разсказывалъ

валъ Морицу. Онъ слушалъ всю исторію съ удивленіемъ и примѣчательно не прерывая оной. Но, спросилъ онъ его, когда уже Брукъ окончилъ, для чего же, другъ мой, жена твоя сама не пришла мнѣ оное разсказать? Ты ее сюда призови, я отъ самой ее хочу сіе слышать. Скажи ей, чтобъ она ничего не боялась, и когда дѣло сіе точно такъ, то я ее награжу. Брукъ вышелъ, и старой Морицъ знавшій его жену, самъ съ нимъ къ ней пошелъ.

П. . . . оставшись одинъ, предался размышленію. О! Луиза! вскричалъ онъ, еще всегда любезная и обожаемая Луиза, естьлибъ ты такъ была невинна, какъ бы я охотно желалъ тебя любить, съ какою бы ревностію старался я загладить всѣ оскорбленія твоей жизни! — — Но,

продолжалъ онъ по нѣкоторомъ размышленіи, когда сіи люди подкуплены, и вся сія исторія есть хитросплетенная басня, чѣмъ меня Луиза, узнавъ конечно хорошія мои обстоятельства, хочетъ обольстить, дабы опять со мною соединиться! — — Въ сихъ и другихъ тому подобныхъ размышленіяхъ проводилъ онъ время, и прибытіе Морицово оныя прекратило, сей сказалъ ему, что та женщина пришла. Онъ велѣлъ ее впустить; сія какъ скоро пришла: то повалилась къ нему въ ноги. Она со слезами просила прощенія въ достойномъ наказаніи своемъ преступленіи. П. . . самъ ее поднявши, сказалъ, что онъ ей все прощаетъ, и естьли ея слова справедливы и точны, то дастъ ей еще награжденіе. По семъ разсказала она все то, что

Брукъ

Брукъ говорилъ, пространнѣе и съ большею ясностію. П. . . , сидѣлъ нѣсколько минутъ въ размышленіи по окончаніи ея повѣствованія. Хорошо, говорилъ онъ наконецъ, теперь все мнѣ ты пересказала, но я тѣмъ еще не доволенъ. Согласишся ли ѣхать со мною въ А. . . . , и тамъ сіи рѣчи подтвердить? Конечно, говорила женщина, безъ малѣйшаго медлѣнія, я сама такъ сего желаю, что о семъ васъ прошу: ибо я не прежде успокоюсь, пока не кончится ваше нещастіе. Изрядно, отвѣчалъ П. . . . , такъ остантесь же при мнѣ, я постараюсь, чтобъ товаръ свой вы здали другому, естьли при семъ будетъ вамъ какой нибудь убытокъ: то я оной заплачу. Съ сего часа обоихъ васъ принимаю въ свою службу; и какъ скоро

воз-

возможно будетъ: то вмѣстѣ поѣдемъ въ А....; однакожъ напередъ вы мнѣ должны обѣщаться о семъ ни одному человѣку ничего не сказывать; и естьли я столько буду щастливъ, что симъ открыя обманъ С..., его накажу, и возвратившъ опять свое имѣнїе, найду опять невинную мою Луизу: то обѣщаю вамъ великое награжденїе. Брукъ и его жена на оное согласились, они распродавши свои товары, остались у П....

Тогда только П... узналъ, какую шутку сдѣлалъ съ нимъ С..., и въ первой еще разъ началъ проклинать свою слѣпоту, а болѣе несправедливость, что отъ невинной своей супруги не слушалъ никакого оправданїя. Онъ не могъ болѣе сомнѣваться о справедливости сказаннаго; а особливо

бливо когда всѣ обстоятельства были сходны, и онъ не могъ оное принять за выдумку; потому что оные люди совсѣмъ не знали о пребыванїи Луизы, и женщина согласилась потверждать оное передъ судомъ. Сколь велика была его печаль, когда узналъ, что оскорбилъ самую добродѣтель. Гдѣ я тебя, о оскорбленная невинность! гдѣ я тебя опять найду? Что, естьли сїе мое сокровище болѣе не находится на земли, сїе не удивительно, можетъ быть нанесенное мною ей оскорбленїе, ее умертвило! она конечно съ печали и заботъ ослабѣла и оставила свѣтъ, которой не достоинъ былъ вмѣщать въ себѣ такую красоту. Ежели сїе справедливо, о Боже! когда нѣтъ болѣе Луизы; то, что будетъ съ нещастнымъ, которой былъ при-

чиною пораженной невинности, онъ отъ сего подъ бременемъ великихъ тяжестей преобратится въ прахъ. Но, хотя она еще и жива, нещастной! можешъ ли ты обратить дерзкіе свои глаза на нее? — Такими разсужденіями ежедневно занимался П...., и хотя онъ всевозможные старанія употреблялъ, дабы провѣдать о Луизѣ; однако никто не могъ объ ней ничего сказать. А они были между тѣмъ въ одной арміи и другъ отъ друга ближе нежели думали. Наконецъ арміи велѣно было маршировать; сіе случилось въ 12 часу ночи, и всякой разсуждалъ по пріуготовленіяхъ, что должно быть кровопролитному дню, въ чемъ и не обманулись. Едва показалась заря, то уже увидѣли непріятельское войско передъ собою, и пушечные

вы-

выстрѣлы сдѣлали начало, а чрезъ часъ обѣ армїи были въ величайшемъ огнѣ. Луиза разсказывала мнѣ, что она не видывала ничего ужаснѣе сего страшнаго шума, причиненнаго симъ огнемъ, и что сами старые Офицеры говорили, что и они еще въ первой разъ видятъ такое жестокое и кровопролитное сраженїе. Оно продолжалось 8 часовъ и кончилось наконецъ тѣмъ, что непрїятель совершенно былъ разбитъ, а та армїя, въ которой были П. . . и Луиза, получила славную и рѣшительную побѣду. Послѣ сего кровопролитнаго и труднаго сраженїя, каждой воинъ праздновалъ съ радостїю тотъ день, ибо уже совсѣмъ нѣчего было опасаться непрїятеля, для того, что онъ великимъ числомъ убитыхъ, а болѣе пленными весьма ослабѣлъ.

Теперь, дражайшая моя пріятельница, прихожу я къ явленію, на описаніе котораго дарованія мои слабы. Какъ я могу вамъ оной представить такъ чувствительно, каково оно было въ самомъ дѣйствіи? Но какъ оно само въ себѣ столь чувствительно, что и въ простомъ описаніи не совсѣмъ потеряетъ своей цѣны: то я принявъ въ помощь ваше чувствованіе, оное начинаю.

Какъ скоро Генералъ Фонъ О. . . . всталъ изъ за стола, которой онъ въ сей день имѣлъ открытой для всѣхъ своихъ Офицеровъ, то приказалъ подвести верьховыхъ лошадей, и сынъ его съ Риттеромъ должны были его провождать. Они ѣздили по мѣсту сраженія. Наономъ множество было пораженныхъ, и сіе страшное и ужасное зрѣлище принудило

дило Риттера пролить нѣсколько слезъ. Генералъ видя падающія изъ глазъ Риттера слезы, говорилъ ему съ бодростію, и хвалилъ человѣколюбивой его характеръ, и Риттеръ взглянувъ на него, примѣтилъ, что и самъ старой герой прослезился. Они уже почти проѣхали ужасное сіе кровопролитное мѣсто, какъ Риттеръ увидѣлъ одного предъ собою простертаго Офицера, покрытаго кровію и ранами. Нѣкоторое подобіе, оставшееся послѣ смертной блѣдности, возбудило его любопытство, и онъ подъѣхалъ къ нему ближе; но какъ на лошади не могъ хорошенько разглядѣть его лица, то сошелъ съ трепещущимъ сердцемъ съ оной, и отдавши ее позади ѣхавшему лакею, подошелъ къ раненому Офицеру. Молодой Фонъ О. . . остановился,

 и

и глядѣлъ на него; онъ не мало удивился, увидя, что Риттеръ, произнеся проницательной крикъ, упалъ безъ чувства на того Офицера. Онъ воротилъ своего отца, и скочивъ съ лошади, спѣшилъ поднять Риттера, но къ великому своему ужасу не нашелъ въ немъ никакого знака жизни. Никто не зналъ, что сïе значило; только Генералъ думалъ, что онъ, или брата, или другаго сродника, или покрайнѣй мѣрѣ искренняго своего прïятеля узналъ въ семъ убитомъ Офицерѣ. Однакожъ не хотѣли терять время въ размышленïяхъ. Фонъ О. . . поѣхалъ искать какого нибудь лѣкаря; Генералъ разослалъ всѣхъ своихъ людей для сегожъ, а самъ остался подлѣ Риттера, которому онъ своею рукою давалъ въ носъ табаку, въ надеждѣ привести

вести его тѣмъ въ чувство. Наконецъ возвратился Фонъ О. . . . съ лѣкаремъ, котораго онъ оторвалъ отъ многихъ раненыхъ. Ступайте скорей, вскричалъ ему Генералъ, и возвратите мнѣ сего юношу, котораго я такъ люблю, какъ сына! Лѣкарь употреблялъ всѣ возможныя силы, но ему долго въ томъ не удавалось. Между тѣмъ временемъ другіе слуги привели еще лѣкарей, и какъ они были разныхъ полковъ; то спрашивалъ ихъ Генералъ, не знаетъ ли кто сего Офицера? Для того, что мундиръ мертваго былъ весь въ крови и пыли, и не возможно было узнать, котораго онъ былъ полку. Это говорилъ одинъ лѣкарь, храброй Капитанъ Крихбергъ изъ полку Т. . ., при сихъ словахъ взялъ онъ одну его руку, и узналъ, что онъ еще живъ,

но только отъ многаго истеченія крови находится въ сильномъ обморокѣ. Онъ разсмотрѣвъ его раны, оныя перевязалъ. Между тѣмъ Риттеръ открылъ свои глаза, и тяжко вздохнувши опять оныя сомкнулъ, и какъ имъ нѣчего было тамъ дѣлать, то Генералъ послалъ за своею каретою, и когда оная пріѣхала, то велѣлъ положить въ нее Риттера, и отвезти его въ провожаніи Фонъ О. . . въ лагерь. Самъ же до тѣхъ поръ тамъ пробылъ, пока не увидѣлъ, что все пріуготовленія съ заслуженнымъ Капитаномъ исполнены, и онъ приказалъ лѣкарямъ употреблять всю возможность, чтобъ его вылѣчить. Какъ скоро Фонъ О. . . съ Риттеромъ пріѣхалъ къ своей палаткѣ: то тотчасъ послалъ за лѣкарями своего отца, и прика-

залъ

залЪ имЪ Риттера привести вЪ чувство. Они начали вЪ ономЪ трудиться, и наконецЪ были столь щастливы, что возвратили его жизнь. О! любезной мой другЪ, вскричалЪ онЪ, открывши глаза, для чего вы возвращаете мнѣ жизнь, когда я не могу болѣе жить? Для чего вы вырываете нещастнаго изЪ объятїй смерти вЪ то время, когда онЪ увидѣлЪ мертваго того, для котораго единственно и жилЪ? — Но скажи мнѣ, любезной РиттерЪ, кто тотЪ ОфицерЪ, вЪ смерти котораго принимаете вы такое участїе? О! любезнѣйшїй другЪ! не требуйте отЪ меня изъясненїя такой вещи, которая сердце мое разрываетЪ на части. — — При сихЪ словахЪ взошелЪ вЪ палатку ГенералЪ; онЪ увидя Риттера говорящаго, сказалЪ ему: успокойся

мой сынЪ, Капитанъ Фонъ Крихбергъ не умеръ, лѣкаря привели его въ себя, и перевязали ему раны; Риттеръ узнавъ, что значитъ сїе имя, снова ожилъ отъ сей радостной рѣчи. О! Ваше Превосходительство! сказалъ онъ, что вы подумаете, когда узнаете о рѣдкомъ семъ случаѣ; современенемъ конечно объясню вамъ сїю загадку, только теперь сдѣлайте милость, болѣе не любопытствуйте; все, что я вамъ могу сказать, есть только то: что тотъ Офицеръ, на котораго, какъ вы видѣли, я упалъ, доводится мнѣ ближайшимъ сродникомъ, и я его люблю болѣе себя, болѣе всего въ свѣтѣ. Хорошо, мой сынъ! отвѣчалъ Генералъ, успокойся только и выздоравливай, а о прочемъ не заботся, ежели что хочешь сказать, то скажи, а естьли нѣтъ,

то какъ хочешь. Риттеръ трепеща поцѣловалъ его руку, Генералъ обѣщалъ ему дать скорое извѣстiе о Капитанѣ. Фонъ О. . . имѣлъ особливое щастiе, что его выбрали предводительствовать завоеванными знаменами и пушками до ближайшей крѣпости, однако Риттерова тайна его мучила. Онъ съ нимъ простился, и желаетъ ему скораго выздоровленiя, обѣщался скоро возвратиться.

Между тѣмъ лѣкаря отвезли П. . . въ лазаретъ, и были столь щастливы, что его оживили. Они разсмотрѣвъ его раны, нашли, что ни одной не было смертельной, но что онъ только потерялъ великое множество крови. Какъ скоро онъ нѣсколько пришелъ въ себя, то разсказали ему какъ его, что одинъ молодой и весьма пригожiй человѣкъ, ѣхавшiй съ Гене-

ралом Фон О. . . ., упал на его тѣло, которое он почитал мертвым, и что сам Генерал приказал употреблять всѣ возможныя старанія о его выздоровленіи. П. . . не мог отгадать сей загадки. Он не знал ни одного молодаго человѣка у Генерала Фон О. . ., которой бы мог принимать такое участіе в его смерти, а о Луизѣ совсѣм и не воображал. В сіе время пришел к нему старой его Мориц, которой руки его омочал своими слезами. П. . . разсказав ему все, что ни происходило, просил его съѣздить к Генералу Фон О. . . Он велѣл ему покорнѣйше благодарить Его Превосходительство за оказанныя его о нем попеченія, и естьли милость его будет, то чтоб объявил, кто был таков

тот

тотъ молодой человѣкъ, которому онъ обязанъ жизнїю. Старикъ тотчасъ осѣдлалъ лошадь, и какъ молодой поскакалъ къ Генералу, и исполнилъ приказъ своего господина. Генералъ справясь о состоянїи Капитана, спрашивалъ Морица, давноли ты при Капитанѣ? — Я служу у него съ самаго его младенчества — и такъ ты знаешъ его родню? Конечно, сударь, но она велика — не знакомоли тебѣ имя Риттеръ? Никакъ нѣтъ, оное мнѣ совсѣмъ незнакомо — ну, такъ оно того, которому господинъ твой обязанъ жизнїю. Онъ лежитъ теперь въ постелѣ отъ страха, приключившагося ему нынѣшнїй день, пойдемъ къ нему, ты самъ его увидишъ, и скажешъ о немъ своему господину. Они пришли. Едва Морицъ взошелъ въ палатку, что

то Риттеръ на него взглянувъ, произнесъ проницателной крикъ. Морицъ! старой, честной Морицъ! возможноли, это ты? Ты еще живъ? Сей знакомой голосъ весьма его разстроилъ. Сперва онъ изумился, потомъ подошелъ къ кровати и посмотрѣвъ пристально Риттеру въ глаза, поднялъ свои руки и глаза къ верьху и вскричалъ удивленія исполненнымъ голосомъ. О боже! что я вижу! потомъ заглядывалъ опять въ постелю, и говорилъ, будучи восхищенъ отъ радости, о Боже! это она! это она! старые мои глаза меня не обманываютъ. Госпожа П. . . . божественная моя П. . ., какъ я васъ здѣсь нахожу, здѣсь въ полѣ? Боже! какую радостную вѣсть принесу я моему барину! Сей день, такъ сей день есть радо-

стнѣй-

стнѣйшій изъ всѣхъ въ моей жизни, я долженъ его праздновать такъ какъ молодой. Во время сихъ словъ скакалъ онъ какъ безумной по палаткѣ. Наконецъ подскочилъ къ кровати Луизиной (ибо симъ именемъ должны уже мы ее называть) и схвативъ ее руку, оную цѣловалъ и омочалъ своими слезами. Бѣдная невинная госпожа П. . . теперь вы не будете болѣе страдать, супругъ вашъ совершенно увѣренъ о вашей невинности! выздоравливайте и спѣшите въ его объятія! Старой Генералъ во время чуднаго сего явленія стоялъ въ великомъ удивленіи. Онъ сложивъ обѣ руки, глядѣлъ и слушалъ Морица, почитая его дуракомъ. Онъ зналъ болѣе года Риттера, а тутъ слышалъ, что его называютъ такимъ именемъ, которое по мнѣнію

нїю его ему не приличествовало. Луиза сама въ такомъ была восхищенїи отъ извѣстїя сего старика, что и не думала, что Генералъ былъ тутъ же. Постой старичекъ, ты или бѣсишся, или опознался! говорилъ Фонъ О. . . . Отъ сихъ словъ Луиза пробудилась. Простите ему, милостивый Государь! говорила Луиза, онъ говоритъ правду. Теперь уже не время болѣе ходить въ маскѣ, Морицъ вдругъ открылъ всю мою тайну. Что вы скажете, милостивый Государь! когда я вамъ объявлю, что я васъ обманывала, что я во зло употребляла вашу довѣренность! я называюсь не Риттеромъ; я женщина, а Капитанъ П. . . . мой супругъ, и тотъ самой, котораго я вчера почитала мертвымъ, и которой благодаря Бога вашими милости-

вычи

выми стараніями остался живЪ. ГенералЪ отЪ сей рѣчи пришелЪ вЪ великое удивленіе. Небо! вскричалЪ онЪ, возможноли это! — — и когда все сіе, сударыня, справедливо, то конечно кЪ сему переодѣянію должны были принудить васЪ важные причины; и пока я ихЪ не узнаю, то не могу ничего судить, однакожЪ прошу васЪ о семЪ никому ничего не сказывать, также и моему сыну; и когда Капитану, котораго вы называете П...., и вамЪ самимЪ будетЪ полехче: то пошлю васЪ вЪ домЪ кЪ моей дочерѣ; гдѣ лучше будутЪ о васЪ стараться. Луиза едва имѣла столько силЪ, что взявши его руку поцѣловала, и потомЪ отЪ радости упала безЪ чувства на постелю. ГенералЪ оставилЪ ее пришедшему лѣкарю, а самЪ сЪ Морицом

рицомъ вышелъ. Онъ требовалъ отъ него изъяснений, и Морицъ расказавъ ему отъ радости и скорости сколько могъ, и что почиталъ нужнѣйшимъ; просилъ потомъ, чтобъ его отпустилъ. Хорошо, ступай, говорилъ Генералъ, но смотри, не вдругъ открой своему господину сïе радостное извѣстïе, оное можетъ ему по причинѣ его болѣзни быть вреднымъ. Морицъ обѣщавъ все исполнить, сѣлъ на лошадь и поскакалъ. Лишъ только онъ прïѣхалъ, и вошелъ въ палатку, то вскричалъ ему П. . . Ну, Морицъ ты тамъ промѣшкалъ немало, какïе вѣсти ты привезъ? — Добрыя вѣсти, сударь, добрыя! — Въ чемъ же они состоятъ; что сказалъ Генералъ? — Онъ желаетъ вамъ скорѣйшаго выздоровленiя — и больще ничего? А

о молодомъ человѣкѣ что онъ говорилъ? Морицъ былъ почти не въ силахъ преодолѣть себя и скрыть отъ него сїю толь важную вещь, однакожъ онъ принудилъ себя столько, сколько ему возможно было. Я, сударь, его самъ видѣлъ, и съ нимъ говорилъ — Какъ же его зовутъ? — Морицъ или совсѣмъ никогда не слыхивалъ, что Луиза прежде называлась дѣвицею Риттеръ, или по старой своей памяти позабылъ, сказалъ: что его зовутъ Риттеромъ — Риттеръ? Риттеръ? Вскричалъ П. . . и упалъ въ постелю. О! Боже! это продолжалъ онъ, возможно ли это? Не называлась ли она прежде симъ именемъ, можетъ быть опять она его приняла? И кто знаетъ, какїя причины принудили ее скрывать свой полъ, переодѣться въ мужское

ское платье — Конечно, сударь! вскричалъ Морицъ, это она! точно, это Луиза Г. . . . прежняя ваша супруга! я ее узналъ, Боже! я былъ столько щастливъ, что ее узналъ — Сего было довольно для безкровнаго человѣка, сильныя движенія радости его ослабили, онъ закрылъ глаза и лежалъ въ продолжительномъ обмороке. Кликнули лѣкаря, которой великимъ стараніемъ привелъ его въ чувство. Онъ просилъ его, чтобы онъ самъ для себя успокоился, и чтобъ все то отъ себя удалялъ, что можетъ возбуждать въ немъ стремленіе: ибо частые такіе обмороки могутъ слабые его силы утомить и лишить жизни. П. . . . получивъ охоту къ жизни, обѣщалъ лѣкарю все, и не хотѣлъ ничего говорить. Но какъ можетъ сердце

имѣющее сильные склонности пребывать въ молчанiи? Едва прошли двѣ минуты, то уже онъ позабылъ свое обѣщанiе. Морицъ, любезной Морицъ! началъ онъ, когда ты любишь своего господина, когда ты хочешь, чтобъ онъ послѣднюю минуту проводилъ въ покоѣ: то спѣши къ любви достойной, добродѣтельной Луизѣ. Проси у ней на старыхъ твоихъ колѣняхъ, на мое имя, прощенiя въ тѣхъ страданiяхъ, которые она отъ меня нещастнаго претерпѣла. Скажи ей, заклинай ее вѣчною моею любовiю, ея добродѣтелiю, и всѣмъ, что ни есть свято, чтобъ она, когда ей дозволитъ здоровье, недостойнаго, и нестоющаго ея воззрѣнiя, посѣтила, чтобъ я хотя въ послѣднiй разъ насладился ея взоромъ; ибо я чувствую, что смерть ко

мнѣ приближается, — и потомъ — умру съ удовольствїемъ — Извольте, сударь, я сїе исполню съ радостїю, отвѣчалъ Морицъ; но вы должны успокоиться, и не говорите о смерти въ то время, когда все согласуется къ содѣланїю жизни вашей щастливою. П. . . . обѣщался успокоиться, а Морицъ поѣхалъ къ Луизѣ.

Армїя въ то время получила приказъ тронуться и продолжать свои побѣды. Раненые отвезены были въ сосѣдственные города и села. Генералъ Фонъ О. . . зная куда раненые изъ полку Т. . . . назначены были, вознамѣрился Луизѣ предложить, чтобъ она слѣдовала за своимъ мужемъ. Это уже было ночью и поздо, когда онъ ей о томъ говорилъ, и совѣтовалъ ей, чтобы она, какъ скоро супругъ ея будетъ въ со-

вершенной безопасности, отправилась съ нимъ къ его дочери, и до его прибытія не покидала бы мускаго платья. Онъ еще не успѣлъ оное окончить, какъ вдругъ взошелъ Морицъ, и объявилъ Луизѣ все, что ему не было приказано. Она почти совсѣмъ тогда выздоровѣла, и услыша отъ Морица, что господинъ его въ опасномъ состояніи, просила Генерала, чтобъ онъ ей позволилъ въ сію же ночь ѣхать къ нему. Онъ согласился по нѣкоторымъ отговоркамъ на сію повторяемую прозьбу, велѣлъ подвезти свою карету, и Луиза въ ней поѣхала къ П. . . Ее объялъ великой трепетъ, когда она къ нему приближалась. Наконецъ подошла. Она бы заключила его въ свои объятія, естьлибы тутъ находящійся лѣкарь не удержалъ ее отъ того,

напомнивъ ей, что больной много имѣетъ ранъ. Морицъ просилъ сего лѣкаря, чтобъ онъ на малое время вышелъ для того, что сей бликской родственникъ больнаго имѣетъ донести ему нѣкоторое важное дѣло. П. . . . съ трудностію оборотилъ голову на Луизину сторону, и сильныя его чувствованія такъ его ослабили, что не могъ произнести ни одного слова; однако глаза его были красноречивѣе, изъ коихъ безпрестанно текли слезы. Онъ прижималъ Луизину руку къ своимъ губамъ, и едва могъ имѣть столько силъ, что далъ слабой поцѣлуй. Въ сердцѣ Луизы происходили великіе движенія. Она вмѣстѣ радовалась и печалилась: радовалась тому, что нашла опять любезнаго своего супруга, а печалилась, что нашла его въ такомъ опа-

опасномЪ состоянїи. Она сама также долгое время не могла говорить, но наконецЪ начала такЪ: О! П. . ., дражайшїй мой П. . .! опять я тебя вижу! послѣ толь многихЪ печальныхЪ дней, лучь щастїя начинаетЪ показываться! — Но, какЪ онЪ теменЪ, вЪ какомЪ состоянїи я тебя нахожу! ежели провидѣнїе Всевышняго опредѣлило, чтобЪ я для того только тебя нашла, дабы навѣки лишиться? О Боже! сей уронЪ! нѣтЪ! я его не переживу! она говоря сїи слова, проливала множество слезЪ. Между тѣмЪ П. . . нѣсколько опомнясь. Любезнѣйшая и дражайшая моя Луиза! говорилЪ онЪ слабымЪ и едва слышнымЪ голосомЪ, не оплакивай, не оплакивай недостойнаго, не стоющаго твоихЪ слезЪ, приключившаго тебѣ толико страданїй,

 хотя

хотя ты совсѣмъ была невинна, мучащагося болѣе стыдомъ, нежели ранами. Сдѣлай только милость, хотя я бѣдной сего и не заслуживаю, прости ужасное оскорбленїе, причиненное твоей невинности, отпусти — — Ни слова о семъ не упоминай, прервала его Луиза, дражайшїй мой супругъ! мнѣ нѣчего тебѣ прощать, ты меня не оскорбилъ, подозрѣнїе оное произвело! живи любезнѣйшїй П. . ., живи, и ощастливь твоею жизнїю женщину, любящую тебя нѣжнѣйшимъ образомъ, и въ твоей жизни находящую все свое удовольствїе и утѣшенїе! успокойся, и забудь все прошедшее, я уже больше отъ тебя не отойду, и Богъ конечно призритъ на мои слезы и опять тебя мнѣ даруетъ. Въ сїе время вошелъ лѣкарь, и просилъ, чтобъ боль-

наго

наго оставили въ покоѣ, а то жизнь его отъ того въ великой опасности находится. Его послушались — Лѣкарь по нѣкоторыхъ пріуготовленіяхъ вышелъ вонъ. Луиза взяла стулъ, и сѣла въ головахъ у П..., а онъ находился во снѣ, обмороку подобномъ. Она проплакала цѣлую ночь, а старой добросердечной Морицъ утѣшалъ ее, и расказывалъ ей все то, что онъ ни слышалъ отъ Бруковой жены. Луиза приходила при семъ повѣствованіи нѣсколько въ изумленіе. День началъ показываться — съ онымъ П... открылъ свои глаза. Сей сонъ весьма много ему помогъ, и онъ сталъ бодрѣе. Онъ взялъ руку Луизы, и съ нѣжностію прижималъ ее къ своей груди; и какъ она сама его просила, чтобъ онъ ничего не говорилъ: то онъ ее послу-

шался. Луиза отпустила Генеральскую карету, но какъ ей необходимо надобно было побывать еще на своей квартирѣ, то П. . . слугѣ велѣно было осѣдлать двухъ лошадей, она обѣщаясь своему супругу черезъ короткое время воротиться назадъ, поѣхала съ однимъ служителемъ къ Генералу. Онъ встрѣтилъ ее весьма ласково. Она извинялась, что уже болѣе у него не можетъ быть для того, что присудствїе ея при ея мужѣ весьма нужно. Генералъ со слезами съ ней простился, и принудилъ ее взять вексель не малой суммы, чтобы П. . . ., по причинѣ его болѣзни, не было никакого недостатка въ деньгахъ. Луиза взявъ потомъ свои пожитки, велѣла оные перевезти въ П . . . квартиру, и сама въ скорости тудажъ отправилась. Оттуда,

туда, старанїемъ одного Офицера, которой П. . . былъ великой другъ, и которой не такъ опасно былъ раненъ, перенесли его въ недалеко отстоящїй городокъ, въ ономъ отведенъ былъ ему малинькой покой для того, что уже вездѣ наполнено было ранеными. Полковой лѣкарь не могъ болѣе при немъ остаться для того, что долженъ былъ слѣдовать за своимъ полкомъ, и оставилъ его тамъ находящимся лѣкарямъ; великимъ старанїемъ Риттера и помощїю не малой суммы на другой день отведена была П. . . весьма хорошая и не малая квартира; и какъ тамошнїя лѣкаря, по причинѣ множества раненыхъ были всѣ заняты: то хозяинъ П . . ., выписалъ для него Доктора изъ другаго города.

Армїя

Армія пошла въ походъ, а Брукъ и его жена остались у своего господина. Весьма было чрезвычайное явленіе, когда сія женщина узнала Луизу. Она повалилась съ крикомъ къ ея ногамъ и просила прощенія. Луиза много разъ повторяла слово, прощаю, дабы ее успокоить. Она велѣла ей все сіе содержать въ тайнѣ, также велѣла въ присудствіи другихъ называть себя Риттеромъ. П. . . докторъ и лѣкарь были весьма искусные люди, и онъ началъ выздоравливать. Луиза разсказывала ему все, что съ нею со времени ихъ разлуки не приключилось, а онъ ей также сообщалъ свои приключенія. Она нѣсколько успокоившись, писала къ дѣвицѣ Фонъ О. . ., открыла ей истинной свой полъ, и все случившееся съ нею, и просила

ее о томъ молчать. Писала также къ Генералу, и къ его сыну, котораго послѣдняго просила о продолженіи его дружбы. П... каждой день становилось легче; и когда уже онъ въ состояніи былъ вставать: то Луиза переѣхала съ нимъ въ тотъ городъ, въ которомъ жилъ докторъ, гдѣ П... чрезъ полгода совершенно выздоровѣлъ.

П... вознамѣрился противъ С... начать формальной судъ, и обличить гнусной его обманъ. Онъ скинулъ свой мундиръ, а надѣлъ простое платье, и по почтѣ съ Луизою, Брукомъ, его женою и со всѣми своими людьми отправился въ А... Они щастливо туда прибыли, и изъ предосторожности, чтобъ никто ихъ не узналъ, остановились въ форштатѣ далеко отъ города въ поря-

порядочномъ постояломъ домѣ. П. . . . тотчасъ велѣлъ для своей жены накупить нужнаго женскаго платья , и съ сего времени перестала она казаться мущиною. На другой день объявилъ въ судѣ свое дѣло противу обманщика. Тѣхъ купцовъ потребовали въ присудствїе , при которыхъ закладъ былъ дѣланъ, дабы показать справедливость онаго. С. . . . также долженъ былъ явиться , и онъ явился такъ , какъ робкой преступникъ , имѣющїй въ сердцѣ своемъ вопїющаго противъ себя свидѣтеля ! однакожъ онъ собравъ всю свою бодрость, старался какъ возможно себя защищать , и показать свою невинность въ учиненной на него прозьбѣ. Но въ то время вошла Брукова жена , и спорила противъ его съ такою бодростїю и ясностїю, также раска.

сказала всю связь его обмана съ такою точностїю, что онъ отъ того совсѣмъ разбился въ словахъ. Луиза также самолично утверждала свою невинность, и расказала приключенїе выстрѣленнаго пистолета; преступникъ былъ совсѣмъ обличенъ и осужденъ. Но онъ бы можетъ быть упорною своею ложью продолжилъ сїе дѣло, естьлибъ П. . . не оставилъ ему на выборъ, или признаться въ своемъ преступленїи и получить отъ него за то не малую сумму, или, когда онъ сего не сдѣлаетъ, послѣ безъ всего и почти нагаго выгонитъ изъ дому. С. . . . согласился на первое, онъ признался во всемъ, и своеручно написалъ всѣ сдѣланные имъ женѣ П. . . хитрости. Потомъ приступили къ приговору, и положено было преступнику наказанїе, которое

за

за такое его гнусное и подлое преступленіе было весьма мало; оно состояло въ томъ, чтобъ онъ отъ того часа отступился какъ отъ своего, такъ и отъ того именія, которымъ онъ обманулъ П . . . ., и чтобъ впредь не подходилъ къ прежнему своему дому. П. . . . изъ великодушія далъ ему такуюже сумму, какую прежде самъ отъ него получилъ, съ которою С. . ., дабы избѣжать стыда и насмѣшекъ, вскорѣ скрылся. И такъ сіе толь запутанное дѣло менѣе двухъ мѣсяцовъ щастливо кончилось.

П. . . . торжественно ввелъ опять въ прежнее свое жилище любезнѣйшую свою Луизу, коей невинность и добродѣтель блистала какъ утренняя заря. Они оба получили поздравленіе отъ всего города, и П. . . . въ одинъ

на-

назначенной на то день, сдѣлалъ весьма великолѣпной и открытой балъ, и всѣ на ономъ были довольны; старые его служители опять къ нему перешли, и П. . . вскорѣ всѣ свои дѣла привелъ въ прежнее состоянїе. Онъ любилъ свою Луизу такъ какъ и прежде, онъ употреблялъ все то, что только разумъ остроумнаго любовника выдумать можетъ къ удовольствїю любезнаго своего предмета, дабы усладить прошедшїя ея горкїе дни. Она награждала его за сїе чистѣйшею и постояннѣйшею любовїю, и никогда его, даже и въ шуткахъ не попрекала прошедшимъ. Онъ далъ ей неограниченную волю въ ея жизни, и никогда не имѣлъ нужды опасаться, чтобъ она оную во зло употребила. Луиза была полная повелительница надъ домомъ и надъ имѣнїемъ, но ея владѣнїе

всегда основывалось на правилахъ благопристойности и любви, и ея скромность была такъ велика, что, хотя ей и самой можно было приказывать, однакожъ она все дѣлала съ совѣтомъ любезнаго своего П. . . — И такъ наслаждались сїи нещастїемъ и страданїемъ научившїяся супруги, долговременнымъ щастїемъ, которое столько было совершенно, сколько несовершенство человѣчества позволяетъ. Они по прошествїи великой печали и мученїй вкушали прїятности жизни съ величайшимъ удовольствїемъ.

П. . ., какъ скоро все привелъ въ порядокъ, то писалъ къ главному командиру своего полку, что онъ по причинѣ полученныхъ въ послѣднее сраженїе ранъ болѣе неспособенъ къ службѣ, и просилъ его, чтобы сдѣлалъ милость исходатайствовалъ бы ему от-

ставку. Также писалъ онъ къ Генералу Фонъ О. . . ., и увѣдомилъ его о перемѣнѣ Луизина состоянія, и о причинахъ, для чего она въ его домѣ была въ муском платьѣ; онъ благодарилъ его въ чувствительныхъ выраженіяхъ за отеческіе милости, оказанные Луизѣ подъ именемъ Риттера, и просилъ его о продолженіи своей благосклонности, также увѣдомилъ его, что требуетъ отставки у своего Генерала, и для сего покорнѣйше его просилъ о семъ постараться. Луиза и отъ себя написала два письма: одно къ Генералу, а другое къ молодому Фонъ О. . ., въ первомъ подтверждала она справедливость извѣстій своего мужа, и изъявляла свою благодарность, а въ последнемъ увѣдомила своего пріятеля о всемъ томъ, чего еще онъ не зналъ о ея состояніи.

 Гене-

Генералъ Т. . . не охотно соглашался лишиться въ своемъ полку такого достойнаго и храбраго Офицера, каковъ былъ П. . . . Онъ его всегда предпочиталъ, и употреблялъ по причинѣ его ревности и искусства въ весьма важныхъ предпрїятїяхъ. Но какъ Генералъ Фонъ О. . . . неотступно его о томъ просилъ, и сверьхъ того имѣли вѣрную надежду, что война по причинѣ великаго ослабленїя противной силы скоро окончится, то П. . . . получилъ свою отставку, которая болѣе состояла изъ похвальнаго письма. И такъ все было приведено въ порядокъ. П. . . . опять сталъ богатымъ, и еще богатѣе, нежели былъ прежде. С. . . . былъ весьма жаденъ къ имѣнїю, собственное его намѣренїе было присовокуплять богатство къ богатству. Онъ тѣмъ не былъ доволенъ

ленъ, что имѣнїемъ П. . . сдѣлался богатѣйшимъ человѣкомъ въ А. . ., но еще великое сїе приращенїе побуждало болѣе оное умножать, и ему въ томъ по желанїю удалось. Онъ оканчивалъ почти всѣ свои предпрїятїя щастливо, чрезъ что собралъ нещетное богатство, которое досталось по опредѣленїю Провидѣнїя П. . . Сей былъ весьма честной человѣкъ, его сердце отъ природы не было склонно ко злу, а нещастїя болѣе утвердили оное въ добродѣтеляхъ. Онъ великимъ своимъ богатствомъ не возгордился, но употреблялъ оное такъ, что ежели бы всѣ богатые слѣдовали сему великому примѣру, то бы весьма меньшилось бѣдныхъ и претерпѣвающихъ голодъ и жажду.

Война, при которой Генералъ Фонъ О. . . находился, была чрезъ замиренїе окончана, и П. . . и

его жена получили письма отъ Генерала, дѣвицы Фонъ О. . . и ея брата, въ которыхъ они ихъ приглашали къ себѣ въ М. . . Они безъ дальнихъ разсужденій на сіе согласились и пустились въ дальній сей путь, которой однакожъ щастливо кончили. Не возможно изобразить, съ какою радостію сей старой герой принялъ Луизу, прежде бывшую любезнымъ Ритперомъ, въ свои отъ древности дрожащія объятія. Дѣвица Каролина прижимала ее съ великою нѣжностію къ своей груди. Теперь мнѣ васъ, любезнѣйшая моя пріятельница, позволено заключить въ свои объятія! жестокая любовь перемѣнилась теперь въ нѣжнѣйшую дружбу, только о томъ я васъ прошу, простите мнѣ мой проступокъ, сдѣланной противъ вѣжливости нашего пола, которую женщины никогда не

дол-

должны забывать; жестокость моей страсти къ тому меня привлекла и не допустила преодолѣть себя — Никто не былъ болѣе приведенъ въ изумленіе, как молодой Фонъ О. . . . Онъ стоялъ не подвижно и смотрѣлъ на Луизу удивленія исполненными глазами. Луиза сама его отъ сего пробудила, она къ нему подошла, и обнявъ его поцѣловала. Ну, Фонъ О. . . . говорила она, что? Хотители быть теперь моимъ пріятелемъ? О! конечно вы останетесь онымъ навсегда! мы можемъ только перемѣнять имена, а лица остаются тѣже. Вы Риттера любили, также и Луизу П. . . . не должны ненавидѣть. О! Госпожа П. . . ., отвѣчалъ онъ, какое сдѣлалось чудное превращеніе съ любезнымъ моимъ Риттеромъ! дружба моя къ вамъ была не на короткое только время, но вѣчно про-

продолжится; и такъ позвольте, чтобы я сiю дружбу, оказываемую прежде Риттеру, доказалъ и вамъ. Но, продолжалъ онъ, нѣсколько спустя, по полученномъ отвѣтѣ, скажите мнѣ госпожа П. . ., неправдали, что я былъ очень простъ и недогадливъ, что не узналъ при сей толь блестящей красотѣ вашей тайности? Много вы, я думаю, иногда надо мною смѣялись? Отъ чего произошелъ веселой и шутливой разговоръ. Домашнiе едва могли дождаться, чтобъ Луизу поздравить. Госпожа П. . . . дарила ихъ всѣхъ, и тѣмъ самимъ болѣе пришла къ нимъ въ любовь.

Когда сѣли ужинать, то Генералъ раскaзывалъ П. . . . о слѣдствiяхъ послѣдняго сраженiя, а напослѣдокъ дошелъ разговоръ о городскихъ новостяхъ; молодой Фонъ О. . . . сказалъ между прочимъ

чимъ, что скоро будетъ у нихъ экзекуція. П. . . . спрашивалъ, кто такой былъ преступникъ, и какая его вина? Сей человѣкъ, говорилъ Генералъ, былъ сперьва весьма упоренъ, и не хотѣлъ ни въ чемъ признаться, отъ чего и произошло, что его дѣло до сихъ поръ тянулось. Онъ называется Арнольфо Кастонатъ, родомъ Италіянецъ. Прежде служилъ онъ многимъ господамъ, наконецъ, по его собственнымъ словамъ, былъ онъ въ услугахъ у одной извѣстной госпожи Б. . . . въ А. . . ., у которой укравъ великую сумму отъ нее ушелъ. Небо! вскричалъ П. . . . это Арнольфо Бенстоны! сдѣлайте милость скажите, что сей злодѣй здѣсь сдѣлалъ? Онъ напалъ, говорилъ Генералъ, здѣсь недалеко на одного лѣсомъ проѣзжающаго человѣка, далъ ему нѣсколько

 ранъ

ранѣ, и отнялѣ у него великую сумму денегѣ. Сей нещастной найденѣ былѣ однимѣ мужикомѣ прїѣхавшимѣ въ лѣсѣ за дровами, и сюда привезенѣ. Его на силу могли привести въ себя, и онѣ едва могѣ сказать, что ему приключилось, и описать разбойника. Тотчасѣ послано было по дорогамѣ искать, и сей человѣкѣ показавшись подозрительнымѣ, и сходнымѣ съ описанїемѣ раненаго, былѣ схваченѣ и приведенѣ вѣ городѣ. Но нещастной не дожилѣ до того, чтобы могѣ его увидѣть и уличить, онѣ умерѣ на другой день передѣ обѣдомѣ. А какѣ называется сей путешествующїй, спросилѣ П. . . и кто онѣ таковѣ? Я удивляюсь, отвѣчалѣ Генералѣ, что вы о всемѣ семѣ ничего не знаете, когда оба сїи изѣ А. . . выѣхали. Путешествующїй былѣ купецѣ вѣ А. . . . и назывался С. . . .

С. . . . При семъ названiи П. . . объялъ великой ужасъ, а Луиза упала на стулъ поблѣднѣвши, праведный Боже! вскричалъ наконецъ П. . ., С. . . . попался въ руки Арнольфа; не довольноли было наказано его преступленiе потерянiемъ честнаго имени и лишенiемъ имѣнiя? И какъ Генералъ и всѣ находящiяся были въ великомъ отъ того удивленiи, что П. . . и его жена такое принимали участiе въ смерти раненаго: то П. . . расказалъ имъ, что сей есть самой тотъ обманщикъ, которой былъ причиною ихъ разлученiя и претерпѣннаго нещастiя. Сiя матерiя произвела меланхолическiя разговоры, что молодому Фонъ О. . . было не очень прiятно, и такъ онъ ее перемѣнилъ на другую, и вспомнилъ Госпожѣ П. . . о прекрасной купчихѣ въ полону,

о чемъ довольно шутили, и разогнали печальные мысли. Я не знаю, отъ чего это произошло, что Арнольфо узналъ въ своей тюрьмѣ о прибытіи П.... Онъ послалъ на другой день къ нему караульнаго, и приказалъ покорнѣйше просить, чтобы П.... къ нему побывалъ для того, что онъ имѣетъ открыть ему важные дѣла. Какъ П.... не имѣлъ съ бездѣльникомъ никакого дѣла: то и не хотѣлъ къ нему итти, а послалъ стараго Морица. Сему Арнольфо добровольно открылся, что Генрихъ пробанкрутился пронырствомъ его, Бенстоны и помощїю стараго Б...., онъ ему расказалъ всѣ употребленные при томъ хитрости и коварства. Также какъ Луиза П..., его и Бенстоны хитрымъ обманомъ, отвезена была въ домъ М...., и разсказывалъ сїе съ такимиже

обстоя-

обстоятельствами, о коихъ уже выше упомянуто. Онъ открылъ всю связь мерзкихъ преступленій Бенстоны, и признался чистосердечно, что онъ напалъ на С. . . . и его смертельно ранилъ. Чрезъ два дни послѣ того былъ онъ казненъ.

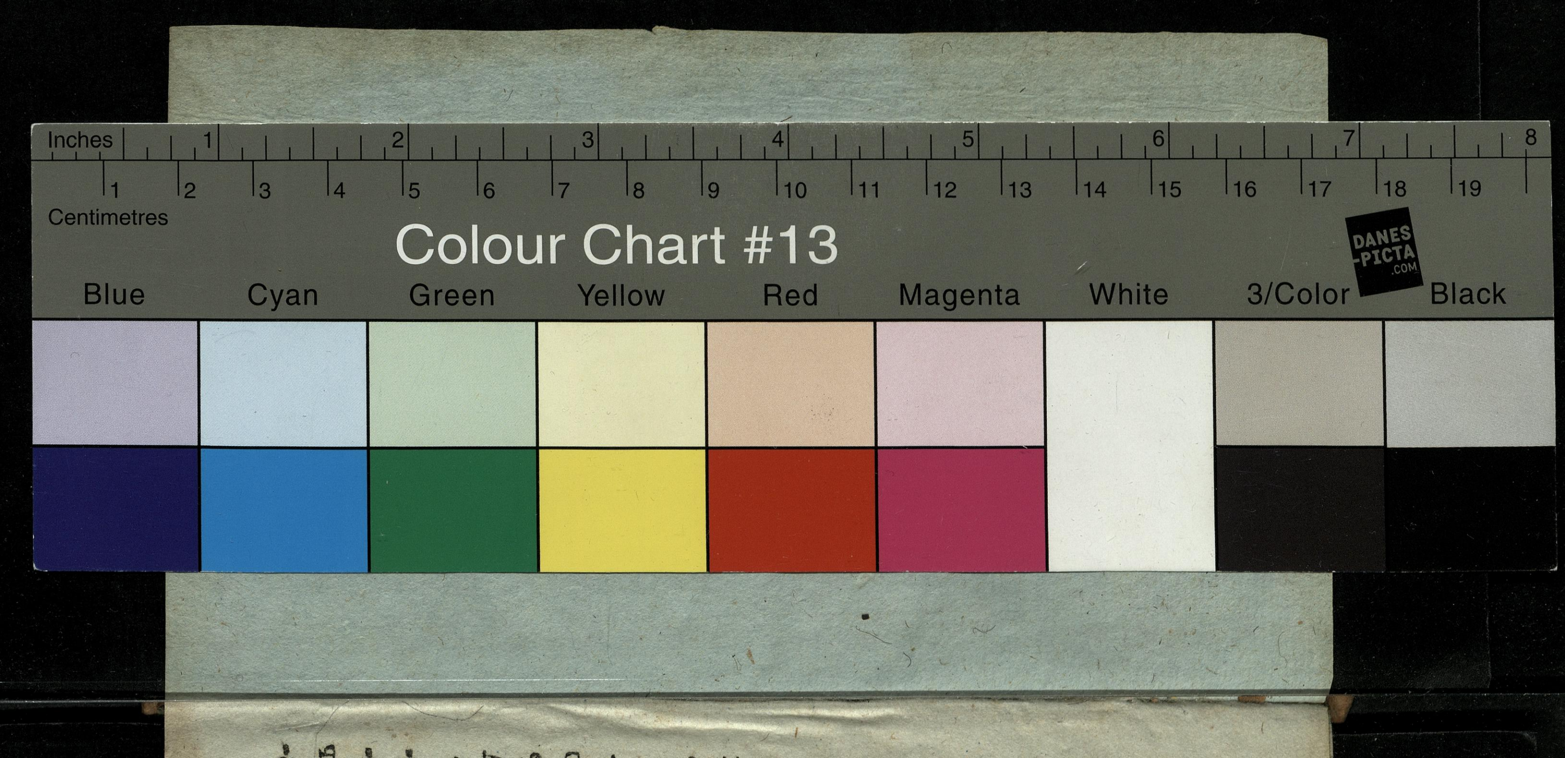
Сіи толь пріятные всему генеральскому дому гости пробыли у него двѣ недѣли, въ которое время выдумываны были для нихъ разные увеселенія. По прошествіи сего пріятнаго и нѣжнѣйшему дружеству посвященнаго времени, отправились они, при желаніи своихъ друзей всякаго благополучія, домой и достигли щастливо до А. . . . Въ сіе-то время я имѣлъ щастіе познакомиться съ Луизою, и пользоваться ея дружбою и довѣренностію. Сія добродѣтельная и любви достойная чета продолжала жизнь свою въ объятіяхъ завидливаго щастія,

и

и казалось, что будто сїе непостоянное божество старалось непрерывнымъ блаженствомъ усладить тѣ огорченїя, которые терпѣли они въ прежнїе дни ихъ жизни. Къ совершенному ихъ блаженству не доставало только того, что отъ сей толь достойной четы не было никакихъ плодовъ, могущихъ принять ихъ славу и добродѣтели

Уже прошелъ цѣлой годъ, какъ неизбѣжная смерть прервала сей нѣжнѣйшїй союзъ супружества, и любви достойная Луиза предала духъ свой въ чистѣйшїя объятїя Ангела. Тихая ея смерть была подобна непорочной ея жизни, и чрезъ сїе научаетъ насъ, какъ жить добродѣтельно, и побѣждать прїятности и радости сего свѣта, дабы спокойной, тихой и утѣшительной имѣть конецъ.

КОНЕЦЪ.



Inches
Centimetres
Colour Chart #13
Blue
Cyan
Green
Yellow
Red
Magenta
White
3/Color
Black
DANES PICTA .COM

Две части
в одном корешке

400 р.

60 р

3878/I.II